

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Скифы

«ЭКСМО»

2000

Никитин Ю. А.

Скифы / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2000 — (Странные романы)

Завсегда и одного из интернет-форумов, глубоко озабоченные судьбами Родины, приходят к выводу, что развал России и деградация ее населения приняли необратимый характер. Тогда они решают «взамен этой нелепой Руси, что везде мордой о все камни» воссоздать великую Скифию, могучую непобедимую державу. И их кажущийся безумным план начинает осуществляться с фантастической скоростью...

© Никитин Ю. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий НИКИТИН

СКИФЫ

Предисловие

В этом романе многие старожилы Корчмы (<http://nikitin.wm.ru/cgi/forum/read.pl?forum=nikitin>) узнают знакомых персонажей. Я не стал им тогда менять ники, так и вошли в роман, как партийные клички.

Все персы, активно участвующие или недавно участвовавшие, – завсегдатаи виртуальной Корчмы, размещенной в Интернете. Ее основала Лилия, она же неизменная хозяйка сайта и модератор на протяжении всех семи лет. Разместили сайт на своем сервере ребята из relis.ru, которым отдельная благодарность за ресурсы, за их бескорыстную помощь.

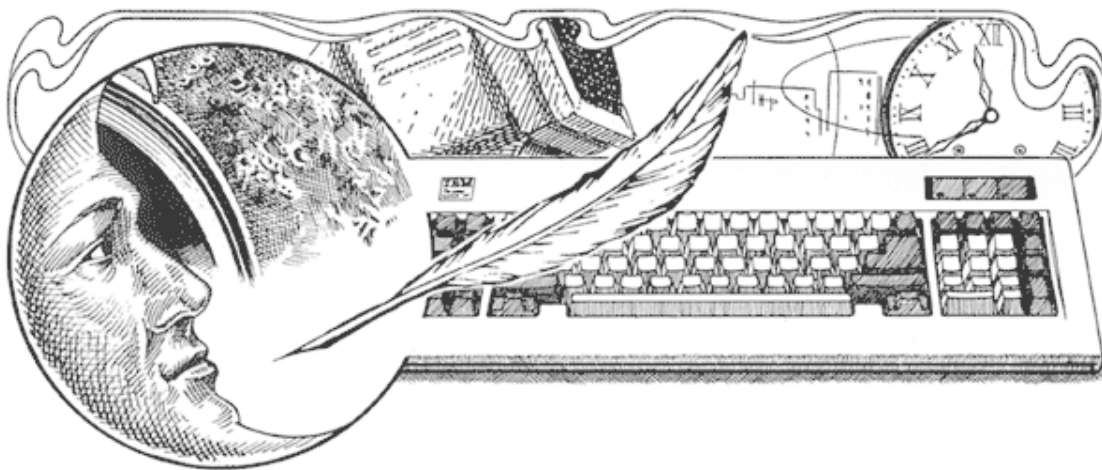
В Корчму за семь лет заходило немало народу (на счетчике Рамблера уже далеко за пол-миллиона), часть стала постоянными посетителями, передружились, перессорились, ходили друг другу бить морды уже вживую, назначали стрелки, снова дрались и мирились, в конце концов образовалось странное сословие (или создалась нация) корчмовцев.

Более того, разрастаясь, Корчма выпускала отводки: корчмовцы создавали свои тематические сайты. У кого с уклоном в философию, у кого – в религию, у кого – в чистое искусство, у кого – в русское язычество, в боевое фехтование, а после выхода первого тиража этой книги появился сайт скифов по адресу: www.skyfia.ru с зеркалом на <http://www.skyfia.iphosting.ru>.

П.С. Приношу извинения друзьям из Корчмы, не все поместились, а у тех, кто вошел, перекручены характеры. Но ведь там, за книгой, всего лишь жизнь, а здесь – художественное произведение! Сами понимаете, что в книге правильнее. Смешно слышать детские возражения типа: у вас неверно, в жизни не так! С каких это пор искусство идет за жизнью? Козе понятно, что реальность именно в художественных произведениях, а жизнь... это так, бледные тени искусства.

ЮРИЙ НИКИТИН

*Посвящается ребятам из Корчмы,
а также ее прекрасной хозяйке – Лилии!*

Часть I

Глава 1

Вторую неделю на московском небе ни облачка. Прокаленный воздух обжигает глотку, на солнечной стороне асфальт прогибается под ногами, от каменных стен пышет, как от доменных печей.

Глазам больно смотреть на оранжевые дома, ослепительное небо. Солнце ухитряется отражаться даже от земли, предательски бьет снизу под опущенные веки. Крылов выбрел из подъезда, сощурившись, как китаец, злился, что в очках пляшут разноцветные зайчики.

От троллейбусной остановки навстречу двигалась легкой пританцовывающей походкой дочь знакомой из третьего подъезда. Четырнадцатилетняя малявка, но уже вполне, вполне... Маечка на одной лямке, правая грудь обнажена, при каждом шаге задорно подпрыгивает – округлая, загорелая. Это называлось почему-то амазонить, хотя, если не изменяет память, амазонки грудь прижигали еще в детстве, чтобы та не мешала натягивать тетиву.

Обнажение – демонстрация вечных ценностей, сказал себе Крылов. Во дворе на малявку оглядываются, выворачивая шеи. Сзади так же хороша: на приподнятых ягодицах провокационные вырезы, мелькает белая кожа, но Крылов отвел взор и попер дальше, в Центр. Мозг, который у него не мог не работать, ухватился за словосочетание «изменяет память», начал раскручивать: а с кем изменяет, зараза, а ради каких выгод изменяет... Нередко мозговая работа в таких странных направлениях давала поразительные результаты, что выливались в статьи: в солидных академических журналах поддерживали статус современного философа, а в популярных изданиях давали неплохие гонорары...

Судя по отсутствию народа на остановке, троллейбус только что ушел, Крылов вздохнул еще обреченнее, двинулся пешком, стараясь держаться в тени разновысоких зданий.

Дальше дорога пошла вниз, он ускорил шаг. Ветерок погнал по асфальту обрывок грязной газеты. В скверике дети гонялись за котенком. Двое бомжей сидят прямо на бордюре, а чуть дальше пьяная баба скатилась прямо на проезжую часть. Машины с осторожностью проезжали подальше от тротуара.

Редкие прохожие тоже сторонились, проходили под самой стеной дома. Навстречу Крылову шла молодая женщина, тоже начала еще издали загибать дугу, чтобы не вступить в лужу на асфальте. Лет под тридцать, маечку спустила до широкого пояса шортиков. Обнаженные полные груди сыто и неспешно покачиваются, налитые, женские. Крылов улыбнулся одобрительно, поощряюще. Молодец, мол, ты красивая, ходи так всегда, не обращай внимания на придурков, бомжей. А есть еще ублюдки, что свистнут или крикнут что-то в спину, тоже не реагируй, ты ж красивая. Женщина показала ровные белые зубы, выпрямила спину.

Глаза ее не то чтобы сильно накрашены, но татуаж в палец шириной на бровях, на губах, на веках, даже на сосках, если рассмотрел верно, мелкие морщинки у глаз, но грудь в самом деле хороша, сохранилась, грех не попользоваться, не добавить себе обаяния, выставя напоказ...

На той стороне улицы возле «Валентины» переминается с ноги на ногу долговязый Гаврилов. Главный язычник Корчмы, блестящий знаток арийского прошлого, уверенный, что если Россия сбросит православие и вернется к истокам, то есть к капищам и волхвам, то сразу все современные проблемы будут решены. Увидев Крылова, благовоспитанно помахал белой нежной ладонью.

На зеленый Крылов опоздал, на желтый не рискнул, а лавина машин сорвалась с места, понеслась с такой злобной решительностью, что он отступил на бровку тротуара. Они мчались,

как тысячи гигантских блестящих жуков. Он терпеливо ждал, эти металлические чудища проскакивали «зебру» на большой скорости, к нему повернуты правым боком, так что видел либо пустое кресло, либо пассажира. Самцов он игнорировал, обнаженных женщин провожал глазами. В машинах их гораздо больше, чем на улице, что и понятно. На улице можно нарваться на сексуально озабоченного, на старого коммуниста или фашиста. Правда, в центре города, вообще в пределах Садового кольца новая мода уже взяла верх, женщины начинают появляться обнаженными до пояса, а то и полностью, но на окраинах бродят еще чуть ли не в паранджах, там обычно селятся выходцы из Среднего Востока.

В стеклах проскакивающих машин он видел себя: плотного... говорят, толстого, это враки, у него просто конституция такая, крепкая, настоящая. Видел, как его коротко стриженные рыжие волосы как пламя вспыхивают в окнах вымытых до яростного блеска «Мерседесов» и «Опелей».

Едва зажегся желтый, он привычно поправил массивные очки, ноги понесли через проезжую часть. При нынешнем уровне медицины поправить зрение – раз плюнуть, утром явился – днем уже вышел с нормальным, но для некурящего очки то же самое, что для иного сигарета: можно снять, тем самым прерывая разговор в нужном месте, протереть, одновременно лихорадочно подыскивая убийственные доводы... или же сладострастно растягивая победную паузу, как артист перед коронной фразой.

Гаврилов шагнул навстречу, они пожали друг другу руки. Выше Крылова на полголовы, зато на пудик полегче, он мягко и как-то вкрадчиво-интеллигентно пожал пальцы, хотя чувствовалась сильная широкая ладонь. Иконописные глаза на строгом бледном лице были серьезными и даже трагическими.

– Тор уже там, – сообщил он как-то грустно. – Изучает меню. Там перемены, перемены...

– Нам нужны не такие перемены, – сказал Крылов значительно.

– Это не скажешь Тору, – ответил мягко Гаврилов. – Он теперь не просто любит пожрать и выпить...

– А что еще?

– Обожает пожрать и выпить!.. Во все другие перемены, кроме перемены блюд, уже не верит.

– Как там с местами?

– Похоже, у нашей кафешки трудные дни. Во всем зале только одна парочка...

– Да черт с ними, чужими кризисами! Нам же лучше, не будет тесно.

Короткий коридор вывел мимо туалета в полуподвальный зал. За дальним столом молодой парень боксисто-братковского вида и девушка беседовали серьезно и приглушенно, словно затевали убийство. Парень в ветхой рубашке, спина протерта до дыр, торчат нити, шорты тоже как будто вытащил из мусорного ящика. Девушка так и вовсе непривычно опрятная и пристойная. По крайней мере ее крупная грудь прикрыта. А шортики все-таки шортики, а не постельные трусики.

Крылов остановился на ступеньках, плотоядно потер ладони.

– Не пришлось отстегивать за предварительный заказ!.. Валя, нам пивка. Лучше светлого. Да-да, для начала светлого.

За огромным столом с тремя кружками пива расположился крупный шкаф с огненно-рыжей головой, широкий в плечах, а волосатые, как у гориллы, руки лежали на столе, ревниво охватив кольцом кружки с пивом.

Заслышав шаги, повернулся, встал, раскидывая лапы, что в размахе выглядели еще длиннее и толще. На толстых губах лопались пузырьки пивной пены.

– Сколько зим! – проревел он так, что зябко зазвенели стекла.

– Всего одна, – ответил Крылов.

Пришлось дать себя обнять, только дыхание задержал, у Тора сила медвежья, спросил:

– А где остальные? В конце пути одни герои с пощербленными мечами?

– И окровавленными, – согласился Тор. – Сладкой плотью врага.

– Просто опаздывают, – объяснил Гаврилов серьезно. – Там пара новичков, что не знают дорогу. Договорились встретиться у вокзала. Ласьков приведет, как гусей.

Тор широким жестом двинул по столу в их сторону две кружки. Пена еще на три пальца, плотная, тяжелая, сползает по стенкам медленнее, чем движется ледник. Крылов жадно ухватил сразу два тяжелых запотевших от холода драгоценных сосуда, вот она, живая вода, припал, как конь после долгой скачки. Тор поверх голов Крылова и Гаврилова делал Валентине, молодой хозяйке кафе, отчаянные знаки: мол, ты же видишь, эти варвары отобрали, восполни потерю, а то кончусь...

Гаврилов заказал лимонад, пил интеллигентно, мелкими глотками. Его лицо оставалось таким же серьезным, а глаза – вопрошающими.

В раскалившейся глотке Крылова шипело, оттуда вырывались клубы пара, но он заливал и заливал холодное восхитительное пиво, пока кружка не задралась доньшком, а на губы не сползли волны пены.

Кружки они с Тором опустили одновременно, синхронно повернули головы в сторону кухни, почему так медленно несут, где заказанное пиво, и тут за спиной раздались быстрые шаги.

Черный Принц шел в их сторону злой, как кобра. Даже галстук сдвинулся, что для него большее нарушение, чем для некоторых явиться голым в церковь. Но сейчас галстук сдвинулся, хотя во всем остальном Принц как принц: единственный из всех корчмовцев является в костюме, носки всегда в цвет галстуку, всегда только что от парикмахера, холоден и вежлив, настоящий светловолосый и голубоглазый ариец...

– Ублюдки! – процедил он с ненавистью вместо «здравствуйте». – В Большом Кремлевском дворце!!! Надо же, а? В Большом Кремлевском!

Крылов указал на стул рядом, но Черный Принц обошел стол и сел напротив.

– Да что случилось? – спросил Крылов.

– Сегодня рекламу видел, – бросил Принц с горечью. – «Девятого и десятого мая в Большом Кремлевском дворце состоится большое шоу сексменьшинств...» Не запомнил, то ли мазохистов, то ли эксгибиционистов... Это в День Победы, а? И после этого наши политики, что такое позволяют, еще хотят, чтобы к Кремлю относились с таким же почтением, как к Букингемскому дворцу?.. Мать-перемать! Как в этот краткий миг понимаю этих сволочей, что стонут: «Угораздило же меня с моим умом и талантом родиться в России»! Хоть и таланта нет, но уже стыдно быть русским. Не хочу быть русским!

– Давай сделаем обрезание, – предложил Крылов.

– И евреем не хочу, – отрезал Принц.

– Я имел в виду ислам...

– И мусульманином. И негром или японцем не хочу. Как и немцем или всякими прочими шведами. Сам не знаю, кем хочу, но зато точно знаю, кем не хочу. Русским быть не хочу!!!

Все трое промолчали, уже не зная, что сказать. Это ж надо так страну довести, чтобы даже Черный Принц, который за русскость готов глотки рвать, вдруг так заговорил...

Валентина вышла из-за стойки неспешно, милая и чистенькая, работающая такая неизбалованная провинциалочка.

– Что-то еще заказывать будете?

Глаза Крылова стали масляными. Потер ладони, сказал вкрадчиво:

– Валюша, ты нам, пожалуйста, принеси, как было в прошлую годовщину Корчмы... Ну, таких же крупных раков. Мы тогда раззвонили о таких раках по всему Интернету. Странно, что здесь нет давки... Правда, Интернет пока что не у каждого любителя пива. А пиво... с

пивом проще. Мне – темное, а остальным разрешаю заказать самим. К нам еще подойдут, так что тебе сегодня будет весело.

Она посмотрела с сомнением. Хорошенькая, но одетая скромно, явно побаивалась тех, кому слишком весело. В кафе-мороженых и прочих безалкогольных местах официантки все чаще рискуют ходить обнаженными до пояса, а то и вовсе, вовсе. Но здесь опасное и коварное пиво, иные от него хмелеют так, что даже в монашеском одеянии не спастись от назойливого внимания.

Через полуподвальное окно хорошо видно залитую солнцем широкую улицу. По той стороне идет группа молодых парней, ни одной женщины. Постепенно сдвигаются к бровке, зараннее высматривают щель в потоке машин. Во главе как авианосец движется Журавлев. Когда он ступил на бордюр, бетонный блок заметно вмялся в расплавленный асфальт.

Крылов сказал довольно:

– Казацкому роду нет переводу... Кто-то ушел в буддизм, кто-то вовсе женился, но вон трое новеньких. Интересно, кто из них Откин.

– Наверное, рыжий, – предположил Тор. – Морда ехидная. И шустрый больно. Весь как мессаги...

Крылов промолчал, потому что, когда первый раз собирались на неvirtуальную встречу, тоже все поразились несовпадению. Его, к примеру, все почему-то представляли чернявым остроносым субъектом, злым и раздражительным, с желтым нервным лицом, ядовитым, суетливым, а встретили накачанного бодрого толстячка, с румянцем во всю щеку, рыжего, веселого, хохочущего, любителя пива и женщин: любых, только побольше, побольше. Тор, напротив, настоящий Тор, как все и представляли: рыжий, огромный и могучий, бог грома и молнии, воинских забав, старший сын Одина. При взгляде на него, еще не услышав его ника, невольно ищешь взглядом знаменитый летающий молот, а когда услышишь, что этого гиганта зовут Тор, снова смотришь, где же все-таки этот чертов молот.

Поток машин оборвался, но Журавлев с высоты бордюра увидел спешащих в сторону кафе с другой стороны Lordwolf'a, Янковского и блистательную Лилию. Рослый Журавлев как ледокол раскалывает толпу... нет, с его седеющей головой он больше похож на айсберг. Янковский быстро-быстро объясняет что-то, жестикулирует с такой скоростью, словно руки работают пропеллером, а Лилия несет себя горделиво и вызывающе, на нее оглядываются как мужчины, так и женщины, лбы в гармошках: где раньше видели эту фотомоделю или голливудскую киноактрису? Никто из корчмовцев не решается спросить, сколько ей лет, уж очень блистательно красивая молодая женщина, но, сколько в Корчме помнили, она всегда хозяйка сайта, как и хозяйка крохотного издательства, где она же и дизайнер, и грузчик, и продавец. И все встречи устраивает и организывает тоже она, словно у нее в сутках часов по семьдесят...

Через окно видно, как эти две группы, соприкоснувшись, исполняют ритуал приветствий: кто обнимается, кто щупает друг другу ладони, кто залихватски шлепает по влажным спинам. За это время снова вспыхнул зеленый огонек, Лилия толкнула зазевавшегося Журавлева на проезжую часть. Остальные потянулись послушно и аккуратно следом – это на обратном пути уже сами автомобили будут шарахаться от этого веселого галдящего сброда!

Из кухни накатывали запахи жареного мяса. Валентина знала, что если встреча затянется, то молодым здоровым желудкам потребуется нечто посущественнее, чем креветки.

В двери как тараном вломился бодрый гвалт. По дороге все перезнакомились, новички теперь с любопытством смотрели на ранее прибывших, стараясь угадать, кто из них кто. Крылов пошел по всем с протянутой рукой, ритуал ощупывания ладони, что поделать: живем в этом мире, называл себя, слушал имена, тут же забывал, улыбался, краем глаза посматривал, чтобы никто не сел на его любимое место у окна.

Рассаживались тоже шумно, двенадцать человек, самые отборные, самые интересные, показавшие себя в виртуальных спорах. Большинство продолжали бесконечные дискуссии, что начались еще в виртуальной Корчме и кипели по дороге.

Во главе стола посадили Журавлева и Лилию. Крылов посматривал на них с удовольствием. Журавлев, высокий, что редкость для людей его возраста, тогда акселерация еще не проснулась, крепкий как дуб, и, что самое удивительное опять же для людей его возраста: дружит с компом, знает программы, сразу же освоил Интернет и с удовольствием следит за всеми новинками, тут же апгрейдивает, знает характеристики плат, что еще только готовятся к выпуску, сам устанавливает программы, а то даже и вносит в них кое-какие изменения.

Ходит он обычно, как и сейчас вон сел за стол, с расстегнутой на груди рубашкой, откуда выбивается густая седая шерсть, длинная и с толстыми волосами, пуля запутается, рукава закатаны по самые предплечья, все такой же, как и сорок лет назад, не замечая, что его бывшие одноклассники-хулиганы стареют, седеют, начинают ходить мелкими шажками, одеваются потеплее, потеплее...

К Крылову подсел Яшка, застенчивый, вечно горбился, что с его ростом вообще-то понятно.

– Чего Черный Принц такой злой?

– Наши гомосеки, – ответил Крылов, – или не гомосеки... не помню, какие-то сексменьшинства показ устроят в Большом Кремлевском дворце. Не то публичное совокупление с животными, не то только друг с другом и желающими из публики. Ну, наш патриот желчью брызжет...

Его один корчмовец, злой и непримиримый большевик Матросов, прорычал:

– Что значит «наши»? Если гомосек – уже не наш. К стенке гадов!

А добрый Яшка встревожился:

– В самом деле гомосеки?

– Не знаю, – ответил Крылов. – Да разве важно? Все они гомосеки.

Яшка отпрянул вместе со стулом:

– Ну ты даешь! Как это?

– Должны быть места, – ответил Крылов значительно, – которые... э-э... святы. Куды низзя с барабаном и в шортах. Букингемский дворец, Тадж-Махал, Кремль... Это последние твердыни. Если в Кремле пройдет шоу юсовских клоунов, то, считай, последняя крепость России взята. А что у нашей армии все еще есть атомные бомбы, то это все фигня. Если в Кремле позволят ходить голым девкам, то, считай, Россия рухнула... И атомные бомбы не спасут.

Яшка возразил с неудовольствием:

– Ну почему же так? Голые девки – это хорошо. Прогрессивно. Ты вон каждую провожаешь взглядом.

– Это не я провожаю. Это обезьяна во мне провожает, – объяснил Крылов. – Большая, толстая и рыжая обезьяна. Гнусная. Я с ней борюсь... с переменным успехом, правда. Но борюсь. Чаще она меня, конечно, но борюсь же!.. Это очень здоровенная обезьяна. Когда она совсем меня одолевает, я иду на трюк: быстро поддаюсь ей, затем тут же... пока она еще ничего не хочет, беру верх!

Он захохотал – как приятно обескураживать собеседника, взгляд его неспешно скользил по лицам, уши вбирали слова, мозг привычно расчленял на паузы, интонации, тембр, ни на миг не оставляя работу, как не прекращал даже в те редкие, надо сказать, моменты, когда бывал в полной отключке, будь это глубокий сон или перепой. Во всяком случае, нередко после пьянки он обнаруживал, что мозг сам по себе закончил заказанные ему еще неделю назад расчеты, за которые никак не мог взяться из-за нехватки времени или же потому, что постоянно отвлекают... эта гнусная обезьяна или что-то еще. Тоже обезьянье.

– Для меня стало понятно, что страна обречена, – сказал он размеренно, – когда я увидел, как правительство в полном составе ринулось... в больницу навещать инфарктнувшего клоуна Юрия Никулина. Страна в разрухе, все горит, ломается, взрывается, а президент страны грозно требует от врачей, чтобы сделали все возможное, чтобы спасти жизнь его любимому клоуну. Мол, первоочередная задача России! И глава правительства Черномырдин мчится в больницу и трясет врачей, чтобы сделали все возможное, нельзя же умереть клоуну от какого-то инфаркта... Для меня дело не в том, что страна рушилась, что у правительства должны быть задачи поважнее, но... одновременно с клоуном в другой больнице, не такой престижной, умирал сам Святослав Рихтер! Рихтер – олицетворение культуры, искусства, перед которым весь мир почтительно снимал шляпы... но что такое для нашего правительства Рихтер? Кто его навестил? А вот клоун – это да. Да еще рассказывавший по Центральному... подумать только – Центральному телевидению пошлейшие анекдоты! В самое что и есть смотрибельное время, когда все вернулись с работы, поели и сели перед телевизорами. Да, это и есть та Россия, с которой противно... даже не подберу достаточно крепкое слово! Но мне противно. И потому я больше не русский.

Матросов сказал угрюмо:

– Ты будешь смеяться, но сейчас этому клоуну ставят в Москве памятник. Его именем назван новый автомобиль, две улицы в районе Бульварного кольца, учреждена премия для Академии искусств и ежегодный всероссийский конкурс: кто громче перднет!.. С трансляцией по всероссийскому телевидению. Это тебе не передачи из Большого театра, не международные конкурсы скрипачей, не какой-то Рихтер! Сам президент страны обещал присутствовать.

Черный Принц заявил лютю:

– Все, хана, баста!.. Снимаю с себя латы русского националиста. Сбрасываю!

Яшка сказал ехидно:

– Можно подумать, ты долго усидишь без лат и копья в жаждущей драки длани.

А Черный Принц все не мог успокоиться, его руки тряслись, вилок никак не мог наколоть ломтик рыбы, а когда попытался запить пивом, зубы стучали о край кружки, как будто барабанщик выбивал зловещую дробь перед казнью.

– Вот почему я и не хочу быть русским!.. И даже не хочу жить в этой гребаной России!.. Это же и от моего имени, позоря меня... мордой по стеклу, втапывая в дерьмо по уши, президент страны... подумать, президент страны!.. посылает премьер-министра, посылает директора Кардиологического центра и его лучших хирургов с наказом: бросьте вы все свои гребаные эксперименты, бросьте всех своих больных, пустьдохнут к такой-то матери, но мчитесь в эту лучшую из больниц и спасите именно этого человека!.. Как на меня посмотрят вот те девушки, перед которыми я стараюсь выглядеть человеком умным и образованным?.. Это же и от моего имени президент страны, игнорируя умирающего Святослава Рихтера, велит спасти клоуна, клоуна... мать ее, клоунскую Россию, для которой скоморох всегда был важнее священника!

Он поперхнулся, Яшка деликатно постучал его по спине.

– Не хочешь жить в России?.. – переспросил он участливо. – Но эмигрировать нам некуда...

Крылов горько засмеялся.

– Да, Гусев еще не объявил Марс областью России. Но если России, считай, уже нет... а то дерьмо, в котором стоим по уши, уже не Россия... то все-таки есть мы.

– Мы? Но мы же русские?

– Гм...

– Что не так?

– Просто вспомнил, что совсем недавно мы были не русскими, а советскими.

Глава 2

Напротив за столом деликатно смакует пиво, словно французское вино, Klm – подтянутый, с прямой спиной, интеллигентный, но с непривычно накачанными для интеллигента плечами. Грудь всегда вперед, спина прямая, словно, как кавалергард, по часу каждый день стоит у стены, касаясь ее всей спиной, ягодицами, затылком и локтями, вырабатывая осанку.

Если он сейчас заговорит о слезе невинного ребенка, промелькнула слабая мыслишка, а его стукну пивной кружкой. Вообще-то давно уже не встречал таких интеллигентных мальчиков, что за дверью своей квартиры, попав в более жесткую среду улицы, не прятались как улитки в свою раковину, а старались отстоять свой пяточок: накачивали мускулатуру, учились бить не только доводами, как учили интеллигентные родители, но и кулаками. Такие иногда даже не косили от армии, а сами просились в ВДВ. У таких на всю жизнь остается амбивалентность: несвойственная интеллигентам выправка и молодцеватость, желание защищать ставшую в чем-то родной армию, которую вообще во время службы ненавидели и презирали, но в то же время сохранили и возлелеяли весь мертвый набор гниющей на корню этой интеллигенции: а кто решать будет, слезинка невинного ребенка, сила – не аргумент, сперва все просчитать надо... из-за чего на таких непримкнувших смотрели, как на чужих, и «армейцы», и гнилоинтели.

Справа от Klm чистит креветок, как он представился, Раб Божий. Может быть, даже назвал настоящее имя, но кто их запоминает, уже с полгода его знают в виртуальной Корчме именно как Раба Божьего, так он подписывается в Корчме. Все привыкли представлять худого старика-аскета в монашеском одеянии, длинноволосого и с козлиной бородкой, но на очной встрече узрели хоть и худого, но не хилого молодого парня. На сайте православие защищал, как сразу все поняли, скорее из упрямства, из чувства малограмотного патриотизма, явно считая Иисуса Христа соратником не то Невского, не то Донского. Лицо светлое, истовое, нечеловечески праведное, всегда словно бы чуть приподнятое в направлении к небу, пусть Господь зрит его, верного слугу, что исполняет Его Волю.

Крылов ненавидел тупое православие, но Раба Божьего любил, как любят человека абсолютно чистого и праведного, пусть даже не наших взглядов. Мы все, подумал он, любим и жалеем противников непрактичных, чересчур честных и щепетильных, которые, в отличие от нас, не ударят в спину, не дадут подножку, из-за чего мы их всегда... едва только возжелаем, но оттого и не повергаем, что можем это сделать в любой момент.

В отличие от разжиревших тупых и вечно пьяных боровов, что играют роль православных священников, Раб Божий светится святостью. В его чистых глазах всегда любовь и жажда отдать себя всего без остатка Ему. Но Ему можно отдать, только вытаскивая остальное человечество из болота неверия, куда их засасывает все глубже...

По другую руку Klm с бокалом чистой родниковой воды сидит аристократический Гаврилов – высокий, худой, бледный, очень сдержанный и мягкий в манерах, движениях, голосе, аргументах. Но это мягкость бархатной кожи на стальном стержне: его невозможно поколебать любыми доводами, если дело касается возрождения Древней Веры.

Этот знает о славянском язычестве абсолютно все, но в заслугу не ставит, не так уж много и уцелело после прихода проклятых византийских попов, что как саранча хлынули на Святую Матушку Русь... да-да, она была святой и матушкой задолго до рождения среди евреев этого еврея Иисуса Христа, так вот эти проклятые попы принялись огнем и мечом истреблять все древние памятники русской культуры, всю ее письменность, живопись, скульптуры, всю-всю самобытную культуру и всячески навязывать свою, чужую, как удалось заменить чисто русские имена на чуждые русским еврейские или греческие: Иван, Василий, Петр, Семен...

Он твердо знал, что единственный путь спасения России – это отринуть не только православие, как считает Крылов, Журавлев и еще двое-трое влиятельных корчмовцев, а вообще отбросить чуждое русскому народу христианство с его чужим богом... дело даже не в том, что он – еврей, не стоит принимать и немца или араба, надо вообще вернуться к истокам. То есть возродить древнюю языческую веру. И назвать ее не языческой, ибо это ругательство, а подобрать термин поточнее...

Ага, вот уютно устроился ненавидимый почти всеми Матросов – крепкий бык, среднего роста, тоже из интеллигентов, как ни странно, но порвавший с этой гнилью, подчеркнуто груб, часто потирает расплюснутые на тренировках костяшки пальцев. Знает пять языков, владеет боевыми приемами, готов подраться, чувство юмора на точке замерзания...

Матросов благоразумно сел между Яшкой и Бабаем – агой, самыми дружелюбными и открытыми корчмовцами, у которых нет не только врагов, но и противников. Яшка – долговязый, сутулый, нескладный, чистая душа, искренне верящая, что из-за океана к нам идет самое что ни на есть благо. Надо только брать лучшее, а худшее... не брать. То есть Интернет брать, а Бивиса и Бэдхеда – не брать, не понимая, что весь Интернет-то получили только с молчаливым условием, что примем и Бивиса, и «не будь героем», и «жизнь – самое ценное», и тупейших клоунов вместо театра.

Бабай-ага постоянно шутит, улыбается, всем раскладывает креветок и умело открывает бутылочное пиво. Неизменно веселый и добрый, вечный гаситель всех конфликтов. Насколько Крылов помнил, Бабай-ага всегда является с хорошим коньяком, шампанским или пивом – в зависимости куда направил стопы. Он работает на таможне, где занимаются как раз спиртным, спиртное достается на халяву, сам пьет, чтобы добро не пропадало, и ко всем является только с набором бутылок.

Для него буквально физическая боль, когда слышит споры, а когда споры вот-вот перерастут в драку, бледнеет и говорит умоляюще: как вы можете, мир прекрасен, до хрена вина и женщин, мы ж все человеки, даже американцы в чем-то глубоко внутри тоже почти люди, давайте выпьем, и все станет хорошо...

Но никогда не добавит привычное: «и не надо будет думать», потому что думает всегда, мозг у него хорош, только ленив и избегает крайностей, мысль о насилии невыносима, он хотел бы всем счастья, но так, чтобы никому не прищемить и пальчика, в этом часто солидаризуется с Klm и как раз потому старается сесть подальше от грубого Матросова, но Матросов не дурак, и вот теперь Бабай-ага поневоле окружил заботой и Матросова, не может о ком-нибудь да не заботиться...

Дальше еще пара новичков, смотрятся неплохо, но это выверт его памяти, что сложные формулы запоминает с ходу, а вот как кого зовут, никогда не помнит с первого раза, а потом всю пьянку старательно вслушивается, как кто кого называет... Нет, долой церемонии, он же из ветеранов Корчмы, по праву дедов может не запоминать сразу салаг, лишь после третьего пива переспросит, как же их зовут, может быть, с ними он как раз и спорил в Корчме? И кто-то из них обещал набить ему морду?

По ту сторону стола голоса стали громче. Спорили Откин и Klm, Откин умело и ровно, как биржевик, кем он и был на самом деле, излагал, Klm надменно выпрямил спину, сказал высокомерно:

– Все неверно. Я, как кадровый офицер и сын офицера... И даже внук офицера, как по матери, так и по другой матери...

– По какой матери? – вежливо поинтересовался Откин. Хлопнул себя ладонью по лбу. – Ах да, прости! Той самой, понятно...

Klm не понял, что за усмешечки, по какому поводу, но ощутил, что подлый Откин его грязно и мерзко оскорбил, уже не первый раз, только понять бы, где и в чем, тут же на дуэль, мерзавца...

Со своим стулом подошел Черный Принц, подсел по-свойски, они все – старая гвардия, сказал деловито:

– А вы ж говорите одно и то же, только разными словами! Не заметили?.. Тем, кто в танке, объясняю для доступности...

Черный Принц, подумал Крылов усмешливо, единственный, кому корчмовцы прощают, можно сказать так, его ник. Обычно же ко всякому, кто входит на сайт под громогласными: Князь, Александр Македонский, Рюрик, Аристотель, Пифагор, а то и того хуже – King, Lancelot, Emperior, Budda и прочие сверхчеловеки, относятся, как к сбежавшим из психбольницы наполеонам. Но когда Черный Принц пытался сменить свой ник на нечто скромненькое и слащаво-правильное, корчмовцы зацывали на отступника: тебе можно!

Он и в самом деле мог многое. Почти в любой области знания. А где не мог, то все равно не признавался в недостаточной компетентности, умело изворачивался, подставлял оппонента под его же собственные удары, и наблюдающему за дискуссией казалось, что именно Принц знает и умеет все, а против него выступают какие-то совсем уж тупые придурки. На него обижались, спорит он резко, но злость проходила, когда видели, как он размазывает по стенам других оппонентов: остроумно, зло, коротко, емко, ни одного лишнего слова, ядовито.

Яшка, он новичок в компах, допытывается у Бабая– аги, знатока:

– У меня снова комп не работает!

Бабай-ага спросил благодушно:

– После чего это произошло на этот раз?

– Я его включил – загрузился Нортон. Смотрю – у меня слева диск С и справа диск С. Я подумал – на фиг мне два диска С? И стер правый к чертовой матери.

Поднялся Раб Божий, властно постучал ложечкой по пивному бокалу. Гвалт начал утихать. Раб Божий оглядел всех исподлобья, поднял пивной бокал, слегка отставив по-гусарски локоть, и сказал металлическим голосом, словно лязгал затвором:

– Корчмовцы!.. Пять лет как исполнилось нашему веселому и самому замечательному заведению на свете. Это и питейное заведение, и академия, и тренировочный зал на выживание, и все-все, как говорил Винни-Пух! Я, признаться, был поражен накалом страстей, когда первый раз рискнул переступить порог... Помню, шел спор между Черным Принцем и Кузнецовым о происхождении слова «Ильмень». По всему залу летали виртуальные табуретки, кто-то кого-то лупил. А вскоре, как мы все помним, состоялась первая неvirtуальная драка между Ласьковым и Матросовым. Потом этих драк было немало, что значитца, теоретический спор продолжался другими средствами... Словом, слабые вскоре убегали на более тихие форумы, а яростные и непримиримые по сей день дерутся в нашей Корчме! Так пожелаем же сами себе, чтобы и через следующие пять лет мы вот так встретились здесь, а Валечка подавала нам пиво и креветок...

Над столом со звоном встретились эти массивные вместилища пива. Звенело, грохотало, кое-где плеснуло, клочья пены замедленно сползали по толстым стенкам. Сильно запахло разваренными креветками, это появилась Валюша с широчайшим подносом у самой груди, но груди не на подносе, как делают игривые официантки в иных кафе.

Ее ловкие руки быстро расставляли глубокие тарелочки. Ей помогали, весело перешучивались, тут же возник и пошел наматывать обороты неутихающий спор на тему «Как обустроить Русь?». Каждый вечер в Корчме швыряние емэйлами, об этом же в газетах, но что делать: это национальный спорт русской интеллигенции, как в Бразилии – футбол, в США – регби, в Канаде – хоккей, а в племени мамбо-юмбо ритуальная пляска вызывания дождя.

Крылов тоже подавал реплики, швырял идеи, искусно парировал, переходил на личности и отступал, если успевали поймать за рукав, но что-то царапало сознание, пока не поймал себя на разглядывании девушки, что сидит с парнем за дальним столиком в уголке.

Парень, при более пристальном рассматривании, на этот раз показался обедневшим адвокатом. По крайней мере, внешность у него самая что ни есть адвокатская. Плотный, живой, смеющийся, дружелюбный, с обтекаемой внешностью, словно тюлень, только что вынырнувший из воды. Несмотря на его плотную крепкую фигуру штангиста, он производит впечатление человека, что как ртуть просочится в любую замочную скважину, а на той стороне снова встанет на ноги такой же улыбающийся, дружелюбный, не испортивший тщательно зализанной блестящей прически.

Он говорил и говорил, красиво блестя белыми как сахар зубами. Брови его приподнялись. Девушка тоже приподнимала брови, красивые полные губы кривились в беззвучном смехе.

За это время пришли еще одна парочка и шумная группа подростков с двумя длинноногими девицами без бикини вовсе. Их плоские, как у мальчишек, обнаженные груди не вызвали интереса, хотя соски от возбуждения и ожидаемого внимания затвердели и торчат, как тюбики помады. Крылов их не замечал, как не замечал, что грызет к пиву, но та девушка выделяется, как лебедь среди гусей и серых уток, как горящий факел в сырой дождливой ночи!..

Он заставил потряхнуть с себя то странное очарование, что шло от той девушки, поднялся с кружкой пива, сказал громко для всех:

– Сейчас наша страна... да и весь мир, остро нуждается в идеях. Последние идеи были... в эпоху революции. Затем – пустота. На Западе идеи перестали двигать этих двуногих еще раньше. В этой пустоте изголодавшийся народ может ухватиться за любые идеи, пойти под любыми духовными знаменами духовных вождей. Мне кажется, нигде в мире нет такого бурлящего котла идей, как в нашей Корчме! Так пусть же так будет вовеки!!!

Дружно заревели, полезли к нему стучаться кружками. Запад выдохся, подумал Крылов мрачно, да и не был богат на идеи. Скорее всего Россию и весь мир все же подомнет Восток: там идеи рождаются чуть ли не каждый день. Там Ренессанс идей. Но мы – Россия, а это нечто иное, чем Запад или Восток, Юг или Север. Мы не выдохлись, мы просто надорвались, пытаемся воплотить в жизнь одну из идей. Но сейчас в мир приходит новое поколение, не надорвавшееся. А значит, можно попытаться придумать что-нибудь снова. Но только такую же простую и понятную, как была идея революции: свобода, равенство, братство! Грабь награбленное. Точнее, такую же привлекательную...

Матросов завозился, сказал с отвращением:

– О каком возрождении России можно говорить? Вон Тор, куда уж националист, но только бы не быть русским, занимается ушу или сунь-хунем, слушает «Ай лав фак», жрет в «Макдоналдсе»... Да что там говорить, если он даже ник себе взял откуда-то с Севера, где наредец всегда был тупее и примитивнее русских!

Тор ошетинился:

– А при чем тут ник? Кстати, о птичках, все асы пришли откуда-то с Волги. Значитца, они тоже все русские, как горох в стручке. Первобытно русские. Там, на Севере, одичали, потеряли высокую культуру русских, стали викингами.

– А чечены, – сказал с улыбкой Журавлев, – это те же чечены...

Он тут же забыл о реплике, наклонил голову к Лилии, переговаривались вполголоса, а вокруг них сразу вспыхнул жаркий спор, почему это викинги – чечены, ведь викинги грабили и насиловали в старину, а чечены – сейчас, викингам можно, они ж грабили всякие там франции и англии с корсиками, а чечены – нас, викинги – герои, а чечены – гады...

Крылов заметил, что парень, который адвокат, все чаще бросает в сторону их сдвинутых столов удивленно-настороженные взгляды. Верно, корчмовцы горячатся, разговаривают чересчур громко. Девушка тоже иногда слегка поворачивает голову, так что Крылов видел ее в три четверти лица, начинал любоваться безукоризненными чертами. Но он хоть иногда спохватывается, снижает голос, зато Тор ревел как медведь, Кlm тоже все возвышал голос, и все

походило на обычный пьяный треп молодых ребят, как если бы говорили о бабах, пиве и бал-дежниках.

– Итак, – заявил Матросов зло, – что мы имеем? Английский язык начинает подавлять другие языки, хотя английский – увы! – не самый совершенный, это скажет любой лингвист. Все народы и нации размываются, как глина в теплой воде, становятся тоже американцами. Не по странам и государствам, а по языку. Но это первый шажок, потом «все немцы – объединяйтесь!». Мол, единый язык – единый народ. Понятно, что и единое государство. Американское, понятно.

– Не забудь Интернет, – добавил Тор.

Крылов ощутил, что разговор уходит в другую сторону, вмешался:

– Тор прав, Интернет – великое дело сближения народов. Теперь можно общаться со всеми, находить невест и женихов на другом конце света, переезжать, смешиваться... Словом, Интернет ускоряет смешение всех народов в единый. Что вроде бы хорошо. Мол, все стали единым человечеством, нет войн за территории, нет взаимных претензий...

Яшка спросил капризным тоном:

– Так чем тебе это не нравится?... А ведь не нравится, верно?

– Нет, – признался Крылов.

– Так ты за войны? – сказал Яшка враждебно. – За нищету и бесправие...

Крылов не стал дослушивать, Яшка еще совсем новичок в Корчме, обратился к остальным:

– Но где гарантия, что мы... я говорю о России и всем человечестве, выбрали лучший вариант развития? Или даже пусть в самом деле лучший, но где гарантия, что так и пойдет по лучшему, не свернет, не заснет, не околеет от пока неведомых болезней, что уже незаметно зреют в недрах этого лучшего из обществ... Это говорю специально для Черного Принца, сам я его не считаю лучшим, даже плохим не считаю... да не Принца, а путь, путь!.. а как раз ужасным, отвратительным.

Черный Принц сидел напротив, но, похоже, не слушал. Крылов видел, как дергается его лицо, а пальцы на кружке побелели.

– Сволочи, – повторял он. – Всех их напалмом!.. Нет, спина к спине привязать и на корм рыбам. Хоть какая-то польза будет.

Тор притащил стул, подсел, положил на интеллигентные плечи бревно, служащее у него рукой. Нет, дланью.

– Это все их штучки, – прорычал он сочувствующе. – Масонские... Только масоны могли протаскать такую диверсию!.. Сами гомосеки, вот гомосекство и протаскивают везде. Особенно в нашу твердыню. Ты прав: после этой дряни кто наш Кремль уважать будет?... А вот погнать бы масонов!

– А как их погнать? У тебя есть списки?

– А всех жидов погнать! – ответил Тор, не задумываясь. – Уж они точно масоны!.. Все до единого. И ежели наши ваньки тоже масоны, то лишь на подхвате: подай да принеси. Шабес-гои, одним словом! А жида – масонская верхушка. Жидов истребить – враз стране полегчает.

Черный Принц проворчал:

– Зачем истреблять? Я бы, наоборот, установил связь с израильским движением... Ну, которое самое евреистое! Что всех евреев гребет под крышу Израиля. Совместно провели бы в России пару акций. Погромы, или резню, или просто поугаили бы, жидовня вся пугливая... Чтoб сами ринулись в Израиль! А там, считай, погибнут сами.

Тор удивился:

– Почему?

– Их же там поставят слесарями да дворниками, – объяснил Принц. – Арабов опасно, бомбы подкладывают! А еврей – слесарь, дворник, ассенизатор... это уже конец.

Раб Божий перебил с тоской:

– Ребята, что вы такое говорите? Как можно такие ужасные вещи? Спаситель наш, Иисус Христос, тоже был, по-вашему, евреем?

Черный Принц ошетинился:

– Вообще-то он был скифом...

– Да какая разница? Все мы люди. О душе надо думать! Духовность возрождать. Без духовности нам никуда.

Он завел свою нескончаемую песню о духовности, а Тор и Принц хмуро тянули пиво. По Рабу Божьему, духовность и духовенство – синонимы. Если кто-то, о духовности жалко лепеча, подразумевал книги и просвещение, то Раб Божий видел перед своим умиленным взором сотни строящихся церквей, нескончаемые церковные ходы с тысячами священников в раззолоченных ризах, все священные реликвии христианства в руках православия, все эти гвозди из Креста Христа, его пальцы, руки, все шесть черепов разного возраста, к которым в восторге и трепете стекается вся Святая Матушка Русь.

Глава 3

На пороге появился высокий длинноволосый парень, бледный, худой. Всмотрелся с высоты ступенек, ему помахали, он заулыбался счастливо, торопливо сбежал в зал.

– Вот и Денис-из-Леса пожаловал, – откомментировал опрятный Черный Принц. – Не то лесной человек, не то пугало...

Денис-из-Леса пошел вокруг стола с протянутой рукой, Черному Принцу огрызнулся:

– Мужчина и должен быть слегка неряшлив! Или ширинка расстегнута, или рукав в говне!

Яшка, наименее радикальный из всех корчмовцев, робко предложил:

– Может быть, просто не барахтаться, а взять и сдаться Америке? Ну, если Америке нам в лом, обидно, то отдаться просвещенной Европе. Пусть нас разделят и введут свое правильное правление Франция, Англия, Германия, Швеция, Гугеланды...

Принц удивился:

– Какие это Гугеланды?

– А что, – сказал Яшка смущенно и покраснел, – нет такой страны?.. А откуда же голландский сыр везут... Ага, Голландия!

– Яшка, это сыр и хрен бывают голландские, а страна – Нидерштаты, понял?

Принц пожал плечами, с шумом вылез из-за стола. Его аристократическая ладонь мягко похлопала Яшку по костлявому плечу:

– Тебе лучше Крылов объяснит. Костя, скажи ему... Да и вообще, мне кажется, вопрос болезненный. А в России все болезное и все болезные просто на «ура».

Крылов допил, громко крикнул, отставил кружку. На той стороне стола Бабай-ага перестал чавкать, замер, начал прислушиваться с интересом. Матросов тоже застыл, смотрел с угрюмой враждебностью. Да и другие уже прислушивались, кто одним ухом, кто двумя.

– Идея стать Западом, – сказал Крылов размеренно, – имеет на Руси давнюю и почтенную историю, равно как и западничество как таковое. Не стоит, однако, эти идеи смешивать: это мысли по одному поводу, но по существу разные.

– Как это разные? – не понял Яшка.

Крылов сказал благодушно, но глазом остро сек, слушают ли, не потеряли ли интерес:

– «Вестернизаторство» в чистом виде – это, как правило, обычная, хотя и несколько наивная, программа модернизации. Как таковая она лишена специфического идейного содержания и совместима почти с любой идеологией, кроме крайнего «почвенничества», в России мало популярного: хочется все же делать ракеты, а не ковырять мотыгой мерзлую землю. Более того, именно «оголтелые националисты» на деле обычно сторонники модернизации любой ценой! Их кумиры – Королев и Курчатов, а взыскуемый ими потаенный град Китеж подозрительно напоминает Арзамас-16.

– Ну да? – возразил Яшка саркастически. – А что ж тогда западничество?

Крылов смачно высосал креветку, Яшка подsunул ему уже скомканную салфетку с жирными пятнами, но Крылов промахнулся мимо салфетки, взамен ухватив кружку пива, что Валентина поставила перед Яшкой.

Отпил, перевел дух, он всегда умел держать паузу, сказал размеренно, словно диктовал школьнику-неучу:

– Западничество же – начиная с отцов-основателей – есть нечто совсем иное. Коротко говоря, оно сводилось и сводится к простейшей идее, как ты верно сказал, «сдаться Западу». Причем результат этой операции отнюдь не всегда мыслился как «присоединение к Западу». Если уж быть до конца последовательными, то основной идеей «западников» была не столько «кооптация в состав Запада», сколько подчинение «неправильной нации» нациям правильным.

То исть смирение своей «неправильной»... более того, по большому счету, вовсе неисправимой! – натуры перед Светом и Истиной. Добровольное помещение себя в железную клетку – и, в конце концов... если уж договаривать все до конца!.. добровольное жертвоприношение, ритуальное самоубийство, этакое сепукку – вспарывание себе живота с целью демонстрации чистоты намерений... Соответственно, сторонники подобного *modus operandi* мыслят себя в роли восприемников национального покаяния, исповедников грехов российских, блюстителей затворов на клетке, в которой сидят русские, а в конечном итоге – в роли кайсяку, присматривающего за вспарывающей себе живот нацией. Словом, вот ты, Яшка, должен присматривать, чтобы русская нация поскорее и потщательнее вспорола себе брюхо и отбросила копыта.

– Костя, – возмутился Яшка, – это я-то? Да разве есть тут кто-то тише меня?

– Бабай-ага, – предположил Денис-из-Леса. – Нет, он после третьей бутылки коньяка уже того... не тихий.

– В тихом болоте Запад заводится, – ответил Крылов. – Разумеется, национальное самоубийство представляется западниками по-разному: начиная от тихого, добровольного, безболезненного самороспуска России на мелкие государства «европейского размерчика» и кончая жуткой и кровавой «второй гражданской» обычно с «национальным» оттенком. В среднем кровавых больше, однако сторонники безболезненного способа обычно влиятельнее. В конце концов, западническая программа самоуничтожения была осуществлена скорее по их сценарию. События девяносто первого и нескольких последующих лет... не так ли? Пациент, правда, выжил. На отвратительную живучесть русских Просвещенные Западные Нации сетовали уже неоднократно. Русские по врожденной косорукости не сумели разрезаться как следует, но дырку в животе России таки проковыряли, проковыряли...

Яша сказал возмущенно:

– Ты хочешь сохранить Россию любой ценой? Так это ж национализм!

Крылов поморщился:

– Яша, тебе не совестно?

– А что, не так?

– Нет, конечно, – ответил Крылов. – Любовь к своему народу или всеобщая нелюбовь к какой-нибудь особенно надоевшей нации вовсе не означает, что ее недоброжелатели «националисты». Зачастую они сами не являются «нацией». Например, если в большом космополитическом городе большинство жителей не любят, скажем, цыган, то это еще не означает, что это самое большинство «настроено националистически». Ничего подобного. Скорее всего эта пестрая масса горожан вполне себе космополитична, да к тому же еще и состоит из чертовой дюжины разных народов; цыган же не любят за жульничество, вымогательство, мелкое воровство, а теперь еще и за распространение наркотиков. Ничего специфически «национального» в этом чувстве нет. Точно так же жители того же самого города могут не любить, скажем, местную автоинспекцию за вымогательство и поборы, но никому и в голову не придет объяснять это любовью к старине и доказывать, что идиоты-жители мечтают ездить на телегах... Не обязательно быть националистом, чтобы пытаться сохранить Россию!

Яшке сердобольно подвинули новую кружку пива взамен нагло украденной Крыловым-аятоллой. Чтоб заткнулся. Яшка умолк, все равно не слушают, с обиженным видом деликатно сдувал пену.

– Только монархия, – бухнул Кlm. – Только монархия спасет Россию! Только твердое законное и легитимное престолонаследие, когда заранее невозможна вся эта свистопляска с борьбой за власть! И только кадровое офицерство...

Тор прервал:

– В монархии одно хорошо: жидовня не пролезет в президенты. Все остальное – гниль.

Над головой Крылова раздался извиняющийся голос:

– Ребята, вы меня извините...

Крылов обернулся, сразу ошетилившись. Правое плечо приподнялось, закрывая подбородок от возможного удара, сам готовый не улететь под стол и дать в чужое табло.

Парень, который раньше сидел с девушкой, теперь стоял за спинкой его стула. Вид у него был растерянно-виноватый, но глаза улыбались, рот растягивался до ушей, руки растопырил.

– Ребята, – повторил он, – что за речи?.. Ухам не верю. Не про баб, не про оттяжку... Изголодался я по таким весчам. Можно мне... и моей девушке подсесть к вам? Или у вас какое-то тайное собрание?

Крылов видел по лицу Тора, что явно собирается погнать нахала, но сам посмотрел за спину парня, поперхнулся. Девушка, оставшись в одиночестве, со скучающей миной спустила лямки топа. В отличие от большинства молодых женщин, что осмелились ходить по улицам полуобнаженными, загорелыми до черноты, она как будто нарочито пряталась от солнца: снежно-белая кожа, чистая и без единого пятнышка, безукоризненная высокая грудь, словно очерченная циркулем, очень широкие алые соски с крупными кончиками.

Она неспешно тянула через соломинку коктейль. Полные алые губы, спелые, как налитые теплым соком вишни, вытянулись трубочкой настолько эротично, что у Крылова в распаленном мозгу замелькали совсем другие картинки. Неизвестно, что Тор подумал, но закашлялся, пиво плеснуло на грудь, а свободная рука сделала приглашающий жест.

Парень оглянулся, помахал рукой. Девушка замедленно, словно восстающая из морской пены Афродита, поднялась из-за стола. Фигура ее была изумительная, в какой-то мере спортивная, но выглядела мягкой, теплой и податливой. Короткие шортики, которые правильнее звать не мини-, а микрошортами, переливались фиолетовыми блестками. Ткань походила на шелк, тонкая и не липнущая к телу. Но корчмовцы смотрели не на шортики.

Девушка несла себя на длинных стройных ногах, белых, с изумительно очерченными мышцами. Живот ее вылеплен красиво, женственно, но все таращились на ее полные груди. Слишком белые, они в самом деле были голыми, нагими, обнаженными, в то время как открывать грудь, загорелую дочерна, уже вроде бы и не считается обнажить.

Крылов вспикнул, словно свинья с кляпом во рту. Он *видел*, что к их сдвинутым столам приближается идеал будущего года и даже десятилетия. Может быть, даже столетия. В каждом веке свои представления о женской красоте: коротконогая толстушка Манон Леско сейчас только с большого перепоя почудится эталоном красоты, как и толстозадые фламандские веныры рубенсов и прочих гениев кисти старинных времен, сейчас это просто разжиревшие коровы, что не слыхали о фитнесе и аэробике. Совсем недавно мир охватила безумная любовь к ископаемой Нефертити: чахоточная головка на гусиной шее появилась на всех сумках, циночках, обертках, туалетной бумаге, на обложках журналов, ее именем называли кофе, кинотеатры, на базарах продавались всевозможные статуэтки, а на улицах откуда ни возьмись появились целые стайки нового типа женщины-подростка: с узкими бедрами, не способными при родах выпустить ребенка, миндалевидными глазами, сутулые, плоские как спереди, так и сзади... Лет десять мир сходил с ума от этой уродки, затем так же быстро выздоровел, а эталоном красоты стала красотка с пышной грудью и вздернутыми ягодицами...

Эта девушка отличается от сегодняшнего канона красоты так же резко, как Нефертити от пышных венер фламандских мастеров. Если сегодня все женщины мира идут на любые пластические операции, делая лица под Клаву Шифер или Памелу Андерсон, то лицо Яны бросается в глаза прежде всего широким, как у монголки, овалом, далеко разнесенными глазами, тяжелой, как у профессионального боксера, нижней челюстью.

Крылов помнил, что, когда бросил на Яну первый взгляд, решил, что она некрасива, а ее фигура даже в чем-то уродлива. И поглядывал в ее сторону тогда все чаще, потому что уродлива, потому что некрасива как-то странно, вызывающе, приковывающе внимание, даже завораживающе, как может лягушку заморозить змея, даже если на эту лягушку и не смотрит.

Он все же нашел в себе силы вскочить первым. Стул загремел, все задвигались, но его руки уже сграбастали от соседнего стола спинку стула, тело его приседало, как у китайца, кланялось, а голос стал торопливым и заискивающим:

– Прошу, прошу! Вот сюда-с!

Тор в отместку, что опоздал, громко сказал парню:

– Возьми вон стул, а ты... Яшка, переседь.

Яшка не понял, почему должен пересесть, но так как и без того тянулся поспорить с Черным Принцем, то встал и ушел, а парень попросту сел на его стул. Девушка царственно заняла место между Крыловым и своим парнем. Он встал, сказал с обезоруживающей улыбкой:

– Меня зовут Алексей. Просто Алексей. Я собирался оттянуться с Яной, но когда услышал ваши речи... Трудно утерпеть, когда слышишь не о забитых мячах, не о пиве и прочей лабуде...

Тор прервал с возмущением:

– Пиво не трожь!.. Мы пиво пьем!

– И я пью, – ответил Алексей весело. – И в туалет хожу, но что там делаю, не обсуждаю. А вот про Россию... Вы уверены, что самый верный способ обустроить Русь – монархия?

Девушка, сев с этим Алексеем рядом, и не подумала поднять лямки топа. Снежно-белая грудь вызвала ассоциации с холодным мрамором, но в такую жару это то, что надо, на фиг потные бабы, а от нее веет бодрящим холодом, словно Снежная королева изволила появиться за их столом...

Крылов возразил с неожиданным подъемом, глаза то и дело поворачивались в сторону ее дивной груди, как будто впервые увидел, вон сколько колышут сиськами на каждом углу, но, если честно, такую грудь в самом деле еще никогда не видел...

– Великая Россия, – услышал он свой голос, что донесся как будто издалека, – возрождение духовности... Да хоть один понимает, что он мелет? Или говорит, как попка, весь тот вздор, который принято говорить? Если духовность, то обязательно попы в рясах и – церкви, церкви, церкви... Даже не подозревают о католицизме, исламе, других религиях! А если возрождение, то обязательно – старая Россия с купцами, городовыми! А в самом ли деле нужна эта Россия – жандарм Европы?

Они молчали, хотя обычно, не дослушав, бросаются спорить с деликатностью чисто русских интеллигентов, не дослушав собеседника, только Кlm сразу возразил:

– Мало ли что о нас говорили! Россия стояла на страже порядка. И наше кадровое офицерство! Вон у меня отец офицер, дед офицер, дядя офицер, так я с полным основанием утверждаю, что наша армия – самая интеллектуальная в мире...

– Так вам нужна именно Россия, – спросил Крылов с нажимом, – или же великая держава? Перед которой бы ломали шапки?

Глава 4

Девушка, которую Алексей назвал Яной, повела очами в сторону кухни. Валентина улыбнулась ей по-матерински, хотя явно ровесницы, на столе перед Яной появилась вазочка с розовыми шариками мороженого. Они чем-то напоминали ее соски, такие же сладкие на вид, которые безумно хочется взять в губы...

Крылов сжал челюсти до ломоты в висках. В черепе трещали канаты, когда он старался повернуть глазные яблоки, не таращиться так откровенно и так глупо.

– Россия, – сказал Тор упрямо. – Нам нужна великая Россия!

Крылов выдавил с натугой:

– Так вот вам она, вы в ней живете! Освобожденная от всяких там республик, народов-прихлебателей, Россия единая и почти неделимая. Ах, вам хочется державу помощнее? Но у нас был Советский Союз, перед которым поджимала хвост и Америка и все-все-все. Однако вам Советский Союз чем-то не по нраву.

Матросов подумал, буркнул:

– Ты прав. Советский Союз был круче! Перед ним все шапки ломали. А юсовцы говорили шепотом.

– Ну?

– Че «ну»? – переспросил Матросов.

– Значит, великая держава лучше?

– Так Советский Союз, – обиделся Матросов, – и есть Россия!.. Ну, Россия с разными там республиками.

Крылов развел руками. Он чувствовал, что если удержит глаза на корчмовцах, не даст повернуться в сторону Яны, то сможет говорить, двигаться, даже не захлебнется пивом.

– Наше правительство сделало большую ошибку, – сказал он, – поспешив ввести паспорта без графы «национальность». Теперь все со страхом смотрят друг на друга, подозревая в неких тайных обществах по сохранению прежней нации. Уж евреи, мол, точно не откажутся от своей, чеченцы и прочие кавказцы – тоже, только русские превратятся в рабочее быдло, которое лишили даже права на свой народ... Этим мы просто обязаны воспользоваться!

– Как?

Тор вмешался горячо:

– Создать общество по сохранению русского народа!

– Нет, тогда уж русичей, – возразил Черный Принц. – Русский – это прилагательное, вроде «русский еврей» или «русский армянин»...

– Русич – лучше, – определил Тор, – но что-то в нем есть...

Он замялся. Принц спросил:

– Что? Что в нем есть?

– Что-то, что мне не очень нравится...

– Еще бы еврею понравилось!

Тор сказал медленно, не обращая внимания на провокацию:

– Что-то в нем есть тоже от прилагательного. Или, точнее, от отчества. Как Иванович, Петрович, Козлович...

С той стороны сказал обидчиво Бабай-ага:

– Но-но, ты мне без намекивания! Сам козлович!

Крылов постучал вилкой по пивной кружке:

– Тихо-тихо! Да, но что лучше? Русак? Так это заяц летний. Русин? Так западяне зовут хохлов.

– А если просто – русы?

Все молчали, прикидывая, перекачивая в мозгах, где уже давно не скрипело сухо, а скорее хлюпало. Слышался стук ножей по тарелкам, чавканье. Тор с таким шумом высасывал креветку, словно та была размером с кракена.

На другом конце стола Журавлев мерно доказывал:

– Чтобы выбраться из этой дупы, надо что-то по-настоящему радикальное... или кардинальное.

– Кардинальное, – спросил ехидный Откин, – это от «кардинал»?

– Как и радикальное, – ответил Журавлев, – от радикала...

Откин распахнул в удивлении рот:

– Ради... Ради чего?

– Брысь, – сказал Журавлев беззлобно. – А то объясню заодно, что такое дупа. Надо сделать нечто такое, чтобы Россия изменилась рывком! К примеру, взять и заменить православие на католицизм... нет, для нас это еще не круто. Заменить вообще на ислам! Во-первых, рождаемость поднимется: в исламе аборт запрещен...

– А противозачаточные? – пискнул Откин.

– В русском исламе запретим, – ответил Журавлев уверенно. – У нас будет свой ислам, нашенький. Чужие исламы нам не указ, ибо скифы мы – с жадными и дикими глазами!.. У нас все свое, самобытное, доморощенное. А если и берем чужое, то по праву трофеев. И приспособливаем для своих нужд, как казаки приспособливали награбленные ризы архиереев на портянки и онучи.

А на другом конце стола голоса были громче, злее. Крылов видел, как этот Алексей, этот молодой напористый адвокат, горячо и по-свойски влез там в дискуссию. Крылов слушал его со все большим изумлением. То, к чему он нередко продирался сквозь невероятно колючие кусты в ночи, для Алексея было ясно как день. Любую проблему, из-за которой возникал спор, он брал и раскладывал как покорную девку, накурившуюся травы, сбрасывал с нее одежды, и все видели, как на самом деле все просто и ясно. В нем чувствовались не только острый и ищущий ум, но и некая профессиональная хватка все упростить и разложить по полочкам для дальнейшего использования.

Крылов чувствовал, что у Алексея нечто в рукаве, встал из-за стола, пересел поближе, стараясь не смотреть на Яну, старательно подливал пива, Алексей не отказывался, но не тяжелеел, только не так тщательно увязывал тезисы, а потом вдруг как-то умолк, оглядел всех заблестевшими глазами.

– Ребята, – сказал он проникновенно, но обращался к одному Крылову, умело вычленив в нем самого яркого, «за которым идут», – я вижу, вы тоже ищете свою нишу в этой гребаной жизни! Ленивое дурачье оттягивается, балдеет, кайфует, а вы... молодцы. У вас мозги кипят, работают, применения ищут. Ребята, вам признаюсь, другим бы не сказал!.. Я хочу создать новую партию. Или движение, еще не решил. Не смейтесь, это в самом деле очень перспективное дело!.. Я отыскал такую нишу, такую нишу!

Он запнулся, оглядел всех внезапно подозрительными глазами. Корчмовцы все равно слушают вполуха, больше смотрят на его спутницу, а он, быстро просканировав лица, чутьем политика уловил, что здесь не те, кто перехватит ценную идею, а скорее сами подбросят новые ходы, варианты, чужим пользоваться не будут – у самих головы пухнут от великих идей.

– Избирательной системой не охвачен огромный контингент лиц, – сказал он горячо. – Я говорю о дебилах... Ну, так называемых лицах с замедленным интеллектуальным развитием. Не смейтесь! Это очень серьезно и... очень перспективно. Дебилы сегодня – это негры в США начала того века. Их становится все больше и больше, размножаются как кролики, в то же время мы все больше смягчаем нравы и открываем доступ к должностям всяким сексменьшинствам! Негры сейчас в США уже не только в спорте, где, кроме силы и выносливости, ничего не требовалось, не только в шоу-бизнесе, где тоже ума не надо... но и в армии, им

доверяют винтовки и автоматы, скоро разрешат управлять самолетами, им присваивают офицерские звания, а кое-где они уже стали мэрами и даже губернаторами!

Слева прислушался Бабай-ага, скривился, буркнул:

– К чему ты это?

– А к тому, – сказал с жаром Алексей, – что право голоса есть право голоса!.. И у белого академика англосакса, и у чернокожего слесаря оно одинаково!.. В районах с преимуществом негритянского населения обычно избираемым главой становится негр. Я хочу сказать, что если удастся объединить дебилов в одну партию, то можно будет на их голосах продвинуть своего депутата в Думу, активно влиять на политику!

Матросов поинтересовался враждебно:

– Ты всерьез?

– Абсолютно, – ответил Алексей. – Абсолютно. В этом направлении прут общепризнанные общечеловеческие ценности... Против Которых Спорить Нельзя! Если нельзя бороться, то надо возглавить!

Матросов смотрел подозрительно. С ампутированным чувством юмора, он никогда не мог угадать, шутят с ним или говорят всерьез. Видно же, что этот верткий сам смеется над этими общечеловеческими и общепринятыми. Но тогда, как можно... это же опуститься до уровня политика!

От соседнего стола донесся взрыв голосов. Раскрасневшиеся так, что стали багровыми, там обхватили друг друга за плечи Откин и Черный Принц, пробовали запеть что-то общее, хотя один начинал «Вы жертвою пали», другой – «Белую акацию».

Крылов поинтересовался:

– А что конкретно предлагаешь?

Алексей выпалил:

– Мне нужны помощники. Собрать эту массу, организовать, заставить... или найти стимулы, чтобы делали то, что нужно.

– А что нужно?

Алексей удивился:

– Все, что нужно нам! Главное, чтобы голосовали. Но, может быть, это чуть потом, до выборов в Думу еще три месяца... а пока нужно привлечь внимание общественности к несправедливо оттесненным членам общества, к несправедливо игнорируемым. Развернуть кампанию в прессе... среди вас есть пишущие?... У меня есть концы на телевидении, однокашник работает в типографии – можно в выходные на сэкономленных... ха-ха!.. материалах отпечатать листовки, а то и вовсе красочные буклеты.

Те из корчмовцев, кто начал слушать его с интересом, скучнели, отворачивались. Сперва ожидали остроумный прикол, суперхохму, но этот на полном серьезе... Идея не то чтобы нелепая, в ней что-то есть, но вот будто из дерьма вынырнула...

Крылов слушал внимательно. В отличие от остальных, сразу уловил, что этот вот – настоящий боец, настоящий политик – реальный, циничный. Идущий напролом к цели. Его не пугает, что придется идти через дерьмо по колено, по пояс, а то и по горло. Иной раз даже хлебнуть дерьмеца. Что делать, политика – грязное дело. Чтобы добраться до чистого берега, можно даже нырнуть, а уже там, на берегу...

А что на берегу, мелькнула злая мысль. Зачем отмываться, там все такие. Все шли через дерьмо, вон позади трупы утонувших, которых затоптали в предвыборной гонке...

Богиня, которую он так долго старательно игнорировал и вроде бы не замечал вовсе, потянулась за салфеткой. Ее упругая грудь коснулась его обнаженного локтя. Он ощутил сладостный ожог, так и не поняв: ожог космического холода или недр Солнца, но кровь воспламенилась, горячая волна как таран шарахнула в голову.

Он задержал дыхание, чтобы не вскрикнуть, не вскочить с победным ревом, медленно выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, поднялся, бокал пива в руке, голос прозвучал очень громко, громче обычного:

– Ребята! Я повторяю снова: почему мы, как бараны, уперлись именно в идею великой России?

Тишина стала гробовой, прекратилось даже чавканье. Тор начал смотреть исподлобья.

– Объяснись, – потребовал Черный Принц.

Яна неспешно выудила из вазочки салфетку. Крылов видел краем глаза, как она вытирает пальцы, а ее горячую грудь и на расстоянии чувствовал всеми фибрами, нервами, внутренностями.

– Почему цепляемся за идею великой России? – повторил он еще громче. – Даже вообще Руси?

Черный Принц сказал предостерегающе:

– Костя, что-то тебя не понять...

– Нет, – сказал Крылов все так же напористо, – подумайте! Нам что нужно на самом деле?

Тор сказал с неудовольствием:

– Я вижу, к чему ты клонишь. Да, нам нужно, чтобы нас уважали. Но уважают, как ты сейчас скажешь, и шведов и датчан, а их страны кто отыщет даже на самом большом глобусе? Нет, нам все-таки дай, что Россия – империя, что Россия – великая держава. Мы слишком долго были великой империей, чтобы вот так враз согласиться на роль шавки... Да, когда-то Македония держала мир за рога, потом – Персия, Турция, Швеция, Испания, Португалия, Британия... Франция при Наполеоне стала сверхдержавой, но у них это вспышки, у них недолго, а мы тысячу лет были великой державой!.. Нет, как хочешь, но мне нужна великая Россия.

Крылов сказал с удовлетворением, все так же громко, не давая вниманию корчмовцев рассеяться, он даже чувствовал, что на него смотрит эта Яна:

– Тебе нужна великая держава. Ты хочешь принадлежать к великой державе. Ты хочешь гордиться тем, что ты – гражданин великой державы, с которой считается мир, которая поддерживает порядок не только на своей шестой части суши, но и отвечает за спокойствие в регионе гораздо большем... Так?

Тор ответил настороженно, что-то ему не понравилось в торжествующем голосе:

– Ну, пусть так...

– Но почему все привязывать к России?

Тор опешил, лицо начало наливаться краской гнева:

– Я не вижу...

– Поясняю, – прервал Крылов. Хмель все сильнее кружил голову, но теперь мысль, не скованная оковами «как надо говорить и как поступать», понеслась галопом. – Мы все хотим видеть сильной державу, в которой живем. Так?.. Нам не дает покоя мысль, что когда-то она правила миром... или почти правила. Ведь совсем недавно по меркам истории никакого США не было, а Россия уже была шведов, была турок, была Наполеона. Мы хотим быть членами этой великой державы. Так вот, повторяю: почему уцепились за слово «Россия»?

На него смотрели уже все, раскрыв рты. Тор пробормотал, хмурясь:

– Поясни.

– Все просто, – ответил Крылов победно, ибо Яна уже не слушала Алексея, а смотрела с жадным интересом в прекрасных глазах на него, на Крылова. – Поясняю! Еще с большим успехом мы могли бы возродить не великую Россию, а, скажем, великую Скифию. Уж она-то в самом деле правила миром! Если войска Суворова победно шагали в Италии, Германии, Швейцарии, то скифы не только прокатывались по всей Европе, но и надолго оккупировали весь Восток, завоевывали все те страны, как то Мидию и Сирию, а египетский фараон Псам-

метих выходил навстречу с дарами и смиренно откупался от наших грозных предков, что грозили разнести в пух и перья все Древнеегипетское царство!

Все с облегчением вздохнули, задвигались. Снова звяканье ножей, вилок, бульканье пива, довольное сопение.

Бабай-ага сказал одобрительно:

– Да, это круто!

И Тор похвалил:

– Здорово ты о наших предках!

Яна скатала салфетку в шарик, теперь ее пальчики нерешительно зависли над общим блюдом с креветками. При этом ее грудь снова приблизилась к локтю настолько, что жар потек по всему телу.

Глава 5

Хмель победно распирает голову. Он чувствовал себя свободным и раскованным, мысль парила, а что тело отяжелело и расплылось как глыба воска на солнце – плевать, у человека нет ничего, кроме души.

– Чой-то, – сказал он в новом приливе энергии, – вы меня не поняли. Совсем тупые, да? Тор, переходи на мороженое, тебе пиво вредно. Вон греки с эллинами разве что на одном солнце онучи сушили, но с каким упорством присобачиваются в потомки того древнего народа! Прямо в душу залезают, клещами не выдерешь. Еще бы! Тот вымерший народ дал замечательные эллинские мифы, породил Платона, Диогена, великих драматургов и поэтов... хотя школьнику известно, что на смену тому вымершему народу... я говорю об эллинах, пришли другие племена. Черный Принц подтвердит, что еще в древние века весь Пелопоннес заселили славяне, а в средние века туда нахлынули турки. А до этого там сорок раз истребили начисто все население готы, алеманы, вандалы, арабы... Или не арабы, неважно. Не только эллинов, но даже тех, кто там селился после эллинов, истребляли не один раз. В конце концов из самой последней волны заселения образовался новый народ, который остальной мир назвал новогреками, а их язык – новогреческим. Понятно, что и по цвету кожи и этническому типу эти новогреки даже совсем не греки. И близко с греками не сидели! Настоящие эллины были все сплошь рыжие и блондинистые, а нынешнее население – это что-то мелкое, черное и курчавое... Вы еще не поняли, что за кол я тешу на ваших головах?

Похоже, не поняли, от пива и жары осоловели. Только Лилия, по своей красоте имеющая право быть некомпетентной, пожаловалась:

– У тебя всегда такие длинные предисловия! Я теряю нить, а то и засыпаю.

– Ладно, – сказал Крылов зычно, краем глаза поглядывал на Яну, но видел всех, – тогда сразу объясняю для неграмотных. Вместо того чтобы искать какую-то мифическую Русь, которая якобы была великим... а то и величайшим государством тыщи и тыщи лет, да вот только почему-то никто из историков ее не отметил... повторяю, вместо того чтобы искать эту Русь, вызывая насмешки всякого грамотного человека, почему не признать очевидный факт, что мы и есть потомки в самом деле великого народа – скифов?

Лилия спросила недоверчиво:

– Великого? Чем же он великий?

Крылов победно усмехнулся, зубы у него хорошие, усмехнулся еще шире, чтобы заметила Яна, улыбка ему идет:

– Скифы не знали грамоты... хотя лучше считать, что все их письменные источники погибли... что неудивительно при их-то кочевой жизни!.. Потому все, что знаем о них, это летописи других стран. А те чаще всего были не совсем уж друзьями. Скорее совсем наоборот. И тем не менее все отмечали, что скифы первыми в мире изобрели стремя, что сразу сделало их конницу непобедимой. Они стали совершать немыслимые по дальности переходы. Их всадники, привстав на стремях, наносили страшные удары мечами противникам, у которых не было опоры в ногах... Знаменитые скифские стрелы, длинные и с тяжелыми наконечниками, пробивали любые доспехи и щиты. Греческие авторы все отмечали, что скифы изобрели гончарный круг, ставший известным по всему миру, научили смешивать медь и олово, изобретая бронзу и положив начало бронзовому веку.... Скифский мудрец Анахарсис....

Откин пробормотал:

– Я что-то слышал о нем. Разве он был скифом?

– Почитай Плиния, – посоветовал Крылов. – А также... а, черт, забыл. Ну, есть еще уйма авторов. О скифах писали побольше, чем потом о русах. Все писали с уважением! Без любви, но с уважением. Мы – настоящие потомки скифов, а не липовые, как греки – потомки эллинов.

И мы можем взяться восстанавливать на месте России это великое скифское государство. Ну как? Ладно, дам вам время на раздумье... Но недолго, скоро вернусь!

Возле единственной двери в туалет то и дело возникала очередь. К счастью, с его места дверь была видна хорошо, не нужно было выворачивать шею, как приходилось Черному Принцу или Тору. В нужные моменты, когда кабинка освобождалась, он успевал встать небрежненько и фланирующей походочкой отправлялся, почему-то делая вид, что рассматривает картины на стенах, а потом направляется просто покурить...

Яна тоже иногда вставала и удалялась к туалету. Крылов старался не смотреть, как она толкает дверь, но перед глазами тут же вставали картинки, которые не должны вставать перед глазами скифа. Наверное, он все еще не скиф, а всего лишь русский.

За столом гудели, перебивали друг друга, не слушали, каждый доказывал свое, но, когда обратились к нему, он с охотой пустился в разъяснения:

– Как говорят: «немецкая точность» или «французская косметика»... точно так же говорят: «русская лень». Если к французам прилипла репутация, что все до одного бабники, что итальянцы – католики и мафиози, японцы – каратеки и самураи, то русские – ленивые дураки. Слово «русский» стало синонимами «лентяй», «простодырый», «авосьник», «косорукий», а часто и вовсе «дурак». Конечно, можно долго бороться за то, чтобы реанимировать само имя русского, в самом лучшем случае удалось бы добиться сомнительного успеха в восстановлении репутации народа, в названии которого потеряно само определение «рус» или «русич», а осталось только нелепое прилагательное... Сразу же вспоминается старый анекдот, когда Киссинджер спрашивает Косыгина: ты кто, мол, по национальности? Русский, отвечает Косыгин. Киссинджер улыбнулся и говорит украдкой: а я – американский.

Откин поморщился:

– Ты всегда говоришь такими длинными периодами, что твои фразы, подобно шпалам в железнодорожном полотне, сужаются и уходят за горизонт... Ты к тому, что имя скифов звучит?

Крылов развел руками:

– Это не я говорю. Древнегреческие и римские историки не знают ни славян, ни тем более русских. Но о скифах пишут со страхом и уважением. Признают не только их исключительную доблесть, но и великие открытия. Как изготовление бронзы из меди и олова, что положило начало бронзовому веку, так и создание гончарного круга скифом...

В проходе между столами появилась Яна, свеженькая и чистая. При каждом шаге груди колыхались, над узким поясом жировые складки стали словно бы чуть толще. Не в палец, а в полтора. Милые такие, вызывающие, хочется ухватиться зубами, поджать ноги и повиснуть...

Она улыбнулась издали, его горящие глаза светят как фары автомобиля. Он смотрел на нее, не скрывая, что убрал остатки одежды взглядом, повернул ее так и эдак, как трехмерную модель в виртуальном пространстве. Она слегка опустила веки, поняла, но не ощутила себя оскорбленной, чересчур вид у этого рыжего толстячка восторженный.

– Ну вот, – сказал он громко, стараясь, чтобы Яна его услышала, – наше объединение наконец во что-то вылилось конкретное. Итак, начинаем движение за воссоздание скифской державы, верно? Сегодня же вечером, то бишь ночью, объявляем на сайте о наших целях, идеях...

– Сперва сформулируем сами, – напомнил Черный Принц педантично.

Крылов отмахнулся с небрежностью истинного русского интеллигента, который всегда чурается конкретной работы, зато умеет творить «вообще».

– Потом сформулируем, это мелочи... Зато какой размах, верно?.. Лилия, ты уж, пожалуйста, сразу сообщи в новостях на своем сайте. У кого найдется листок бумаги?.. Да нет, ручка и у меня есть... Главное, создаем скифскую державу, да? Взамен этой нелепой Руси, что везде

мордой о все камни... сама, а тут ее еще и другие страны той же мордой по битому стеклу!.. А со скифами такое не пройдет, верно?.. Да, скифы мы!

Он заржал, все заржали, под глухой стук полных пивных кружек посыпались идеи, как обустроить Русь... тьфу на Русь, как обустроить Скифию, конечно же – великую Скифию, иной нам не надо, мы же – русские, то есть, как сказал великий Блок, скифы мы, с раскосыми и жадными глазами! Как укрепить Скифию, как повесить ее морально-идеологический дух, обороноспособность, поднять ярость масс...

Он записывал идеи, лист бумаги все же нашелся, Валентина смотрела с улыбкой. Перехватив его взгляд, подошла:

– Что-нибудь еще?..

За это время кружки опустели почти у всех. Крылов чувствовал в голове приятную захмелелость.

– Еще, – решил он. – Не спрашивай, поставь перед каждым то, что он заказывал раньше.

– Просто повторить? – переспросила она с сомнением.

– Да, – подтвердил он. – Просто повторить. Ничего нового.

Откин поднялся, круглое лицо расплывается в загадочной чеширской улыбке. Он вскинул над головой свой листок:

– А теперь давайте поконкретнее! Что необходимо именно для скифа?

Тор бухнул:

– Два лука и отравленные стрелы!

Откин поморщился:

– Вот так всегда. Разговоры вести мастера, а как до конкретного...

Крылов сказал практично:

– В Устав молодого или немолодого скифа надо вписать качества, необходимые для выживания вида. То есть любовь к Отечеству опустим, как устаревшее, зато в обязательном порядке скиф должен быть...

– Должен или должен?

Крылов подумал, отмахнулся:

– У нас есть лингвисты. У нас все есть. Потом разберемся. Все потом. А пока набрасываем скелет настоящего скифа...

У дальней стойки Валентина откровенно зевала. Крылов посмотрел на часы, охнул:

– Ого!.. То-то наша хозяйка уже с ног валится. Ребята, давайте закругляться. Валечка, посчитай нам.

Скинулись, выгребли все деньги, вывернули карманы, а Костя и Черный Принц оставили в залог завтрашней уплаты часы. У обоих часы дорогие, у остальных штамповка, что не окупит и двух кружек пива.

За спиной был гвалт, возбужденные голоса, скрип отодвигаемых стульев, столы тоже расставили на места, Валентине их таскать тяжело.

Крылов поднялся из мира, напоенного запахами пива, разваренных креветок и сухого леща подвала в иную жизнь, которой всегда удивлялся. Вообще ночной город – это совсем не то скопление серых домов и спешащих двуногих, что накрыто серым или даже голубым небом.

Сейчас перед ними раскинулось нечто сверкающее огнями, а сверху все накрыла черная бескрайняя бездна с ее космосом, бесконечно далекими звездами, галактиками, квазарами. В мокром после поливалок асфальте отражаются перевернутые дома, огни фонарей, реклам, оранжевые и желтые окна домов. Вечно спешащие морлоки исчезли, а по блестящему тротуару беспечно разгуливают элои, слышен смех, к Крылову даже с той стороны улицы донесся запах дорогих духов и аромат хорошего вина.

Корчмовцы вывалились отяжелевшие, но в головах легкость, все продолжают спор о скифах, но на Яну теперь посматривали жадно все. На улице она снова в топике, благопристойная, словно фотомодель, изображающая скромницу Джен Эйр, но все видели ее только что иной, у многих на висках вздулись жилы, всхрипывают, не сводя с нее глаз, что они только проделывают с нею в воображаемом мире, где липкие взгляды не отскакивают, не спустив ее трусики даже наполовину.

Гаврилов и Раб Божий, непримиримые противники, вышли бок о бок. Пожалуй, они единственные, кто не раздевал взглядами Яну и не проделывал с нею всякое и разное. Удивительно мирно, что последний раз случилось полгода тому, они рассуждали сейчас, сблизив головы. Гаврилов загибал пальцы, Раб Божий следил внимательно, чтобы пропащий язычник не загнул лишний.

Философствуем, мелькнуло в черепе Крылова. Нас даже готовы послушать, как слушают рассказчиков анекдотов. Но только как рассказчиков, а не философов! Но как философов – никогда. Зато всегда жадно ловили каждое слово юродивых, сумасшедших, кликуш, политиков... И шли за ними, сокрушая несокрушимые империи, строя Царство Божье на земле, а философы... что философы? Они обращаются к менее важному – к рассудку.

Корчмовцы нестройной толпой медленно двинулись от кафе. Тоже элои, мелькнула насмешливая мысль. Наполовину элои... Утром проснутся морлоками, побегут на службу, будут жить привычными алгоритмиками, будут «как все», как принято, комильфо, но вечером начнется медленное преображение... Не сразу, ибо и после службы масса морлочьих дел: заскочить в булочную, отнести белье в прачечную, забрать туфли из починки, переустановить розетку, но все же перетекание в элоистость свершается, и вот уже перестраивают судьбы всего человечества...

Громкий бухающий голос Тора разносился над затихшей улицей, словно близкая канонада. С ним шел Klm, все еще респектабельный, хоть и с раскрасневшейся от выпитого рожей.

– Крылов круто завернул, – гремел Тор. – Клево! Прямо улетная идея. Самое то для сейчас, когда нам не удалось построить на земле царство добра и справедли- вости...

Klm спросил насмешливо:

– Нам?

– Нам, – отрезал Тор. – Нам, а не только старичью, что еще выползает на площадь с портретами Сталина! Повторяю для слабо слышащих офицеров... как только таких берут в кадры?... когда нам не удалось построить коммунизм, тут же из всех подворотен выползла эта погань! Которая, пока мы строили, надрывая жилы, только жрала и трахалась. Теперь они выкапывают все нелепое и неверное, что стряхивалось... тьфу, стрясывалось... стрясывалось в процессе строительства коммунизма, и злорадно размахивают этим вот над головами: ага, натворили! А вот мы, хорошие, такого не делали. Никуда не шли. Никуда не стремились, жилы не рвали, просто ели, спали, отрывались, балдели, смотрели сериалы, добились свободы совокупления... вон уже и на улицах!..

– На улицах пока еще нет, – сказал Владимир-2 с сожалением.

– Будут!

– Скорее бы...

– Ах ты ж гад! Из-за тебя порода людская испохабилась вся.

Владимир-2 отступил к стене:

– Эй-эй, потише. Не вся же? Ты вон какой буйный. Прямо буй-тур. Да и я еще орел что надо. Нас двоих хватит, чтобы дать здоровое потомство. А если ты не согласен, то можешь мне подтаскивать...

Тор плюнул ему под ноги.

Глава 6

Алексей попеременно подходил то к одному, то к другому, что-то говорил горячо, жарко, Яну от него оттеснили и окружили Владимир-2, Бабай-ага, Яшка – записные бабники.

Когда Алексей обернулся к нему, Крылов спросил шепотом:

– Где ты оторвал такую богиню?

Тот чему-то хохотнул, ответил шепотом:

– Богиню?.. Ха-ха... Не поверишь, откуда она!

Крылов ответил шепотом:

– Поверю, даже если скажешь, что она с Марса.

– Не поверишь!.. – повторил Алексей. – Иду по улице, вижу, как она идет... Все, понятно, на нее оглядываются. А жара, все полуголые. Возле киосков с мороженым – очереди. Договняю ее, говорю: не хотите ли мороженого? И, пока она не успела цыкнуть на нахала, объясняю торопливо: мол, для себя поленюсь стоять в очереди, а для нее готов на самом солнце-пеке!.. Вижу, улыбнулась чуть, отвечает вежливо, что не любит фруктового... Оказывается, и это успела рассмотреть. Я воспрянул духом, раз в морду сразу не бьет, говорю, что знаю, где мороженое есть на все вкусы... Сам чуть не упал, когда она вдруг согласилась! Вот так мы и забрели сюда. Это уже здесь я выяснил, что она только вчера приехала в Москву из какого-то там Кунгура. Это не то Сибирь, не то Тмутаракань. Да не просто Сибирь, а самый что ни есть медвежий угол! Где и телевизора-то все еще не видали! А кинопередвижку туда привозят раз в месяц, как при дедушке Ленине! Ну, мне сразу все понятно стало... И что неизбалованная провинциалочка, и почему нос не дерет, и что в Москве ей все в диковинку... Тут я за нее обеими руками и ухватился.

Крылов покосился на Яну. Она дружелюбно и светло разговаривала с Черным Принцем, у того жилы на шее вздулись как корабельные канаты от усилий удержать взгляд на уровне ее лица, не дать сползти на грудь. На любом конкурсе «Big breast» или «Finest breast» она бы взяла первый приз, потому что ее грудь и очень крупная, и безукоризненна, и в довершение всего с бьющим в глаза невероятно широким кружком альвеол, чистым и пурпурным, словно свет утренней зари.

– Черт, – вырвалось у него, – пропадет же!.. Это же Москва!

Даже то, что она преспокойно обнажилась до пояса, ни о чем не говорило, ибо в деревнях дети преспокойно водят коз на случку к козлу и следят, чтобы все прошло как надо, видят, как петушок топчет курочек, а дворовый пес старательно трахает все, что движется. Деревенская девушка, которая спокойно может сбросить одежду в компании мужчин, потому что так делают другие девушки, в отличие от них может оставаться чистым и трепетным зайчиком.

Долго стояли на тротуаре плотной толпой, галдели, доказывали, орали, спорили. Как всегда, расходиться не хотелось, хоть уже за полночь, дважды мимо на сниженной скорости проезжала патрульная машина, но никто не бросался бежать проходными дворами, и блюстители порядка, облегченно вздохнув, проезжали мимо.

Редкие прохожие, завидев группу молодых парней издали, поспешно переходили на другую сторону улицы. Раб Божий поглядывал все тревожнее, возопил:

– Братия!.. Они ж тоже люди!.. Все созданы Богом! Пойдемте вон в сквер, там лавочки, там никого пужать не будем...

– Ура! – завопил Яшка. Он приехал из Питера специально на встречу, утром обратно. – Пообщаемся! У меня в сумке запас, кому?

Баночки пива расхватили раньше, чем договорил, шумной толпой двинулись в сквер наискось через дорогу. Издали блеснули фары, машина неслась с большой скоростью, но толпа

есть толпа, да еще надравшись пива, да еще уже почти скифы, никто не бросился бежать, машина резко сбросила скорость, круто взяла влево, пронзительно скрипнули тормоза, проскрежетало железо по высоким бетонным плитам бровки.

Оглянулся только Крылов, он все старался замечать и делать выводы. Машина поползла, дребезжа какой-то полуоборванной деталью, потом с натугой набрала скорость и скрылась в ночи и отблесках желтых фонарей.

– Бога возьмем Табити? – деловито поинтересовался Матросов. – Нам нужен настоящий пролетарский бог – суровый и беспощадный!

Он победно оглядывался по сторонам, парил, удалось вспомнить верховного бога скифов, но Гаврилов безжалостно поправил:

– Табитс. Ее звали Табитс.

– Ее? А что, он не самец?

– Самка, – ответил Гаврилов. – Чесс слово, самка!..

Раб Божий сказал укоризненно:

– Какие-то слова вы пользуете, странные... разве ж о божественной сути так говорят? Боги по сути своей двуполы. Возможно, троеполы.

Посыпались реплики, пошло бурное обсуждение сексуальной ориентации богов, во всех мифологиях боги совокупляются с животными, о скифах забыли, Крылов видел, что разговор может уйти в сторону и о скифах больше никогда не вспомнят, это свойство русской интеллигенции, что, как породные интеллигентные собаки, могут концентрировать внимание на чем-то не больше двух минут, но это его идея, та самая, которой он привлек внимание этой богини из Кунгура тмутараканского, потому возвысил голос, сказал саркастически:

– Эй-эй, не те ворота! Давайте сперва разберемся в самой сущности бога. Или Бога, что нам нужнее, так как монотеизм предпочтительнее перед политеизмом.

– Почему? – спросил Гаврилов обиженно, и Крылов понял, что теперь Гаврилов переходит в некую оппозицию. – Вон в Индии...

Крылов не стал доказывать, что здесь не совсем Индия, слоны по улицам не ходят.

– Что есть Бог? – спросил он. – Нет, я не стану пускаться в теологические объяснения. На это потребовалось бы сотни тысяч пухлых томов. Что есть Бог, который нам нужен? Всем: христианам, мусульманам, иудеям? Это такой дядя, которому мы вручаем сформулированные нами правила поведения в обществе... и просим его бдить и следить за выполнением этих правил! Но так как эти правила мы принимаем добровольно, то мы хотим, чтобы и наказание за отступление от этих правил было чисто символическим. Ну, что-то вроде, когда вместо публичной порки на Манежной площади просто качают головой и говорят укоризненно: «Ну как не стыдно?»

– Что за бог... – пробурчал Раб Божий.

На него шикнули, а Крылов продолжал:

– Эти правила... я имею в виду Правило Бога, люди принимают сверх, так сказать, необходимости. То есть помимо общих законов, которым подчиняется вся масса населения. Какая-то часть людей, стремясь к совершенству, принимает ряд добавочных правил, что заставят их быть лучше и чище остальных. Но так как эти правила «сверх необходимых», то и надзор за ними вручается не императору или местному князьку, а некоему идеалу, перед которым будет просто стыдно или же «грешно». Как, скажем, тому из нас, кто бросил курить, а потом мы его застаем за курением втихую...

Клм раздраженно передернул плечами, будто за шиворот упала оса, буркнул:

– Кончай со своими намеками! Достали.

– Вот это и есть Бог, – продолжал Крылов невозмутимо, – который все видит, все слышит, от которого не укроешься. Умный понимает, что Бог – это просто набор правил, которые внутри нас, а богомольной старушке... или же растерянному интеллигенту проще верить,

что в самом деле есть нечто огромное, всевидящее, что всегда успеет спасти, помочь, накормить, вытереть сопельки. А если это и не сделает, то зато даст новую жизнь то ли в виде реинкарнации, то ли в роли ангела, то ли вовсе отправит в блаженную страну рая. Что они будут царями, а бывшие цари будут им ноги мыть.

Откин, самый быстро схватывающий, нетерпеливо сказал с загоревшимися глазами:

– Все понятно. Мы должны составить набор правил. Так?

– Так, – ответил Крылов благосклонно. – Но не тех, за которые по уголовной или гражданской статье, а тех, за нарушение которых «стыдно». Или «грешно», что один фиг.

– Признаки скифа, – быстро сказал Матросов, – это прямая спина и гордый взгляд! За счет чего? А потому, что у скифа нет иррационального чувства вины, что лежит вроде бы изначально на русском народе. Я не стану разбираться, откуда и когда это чувство возникло, кто его принес и кто наложил, я просто констатирую факт, что скиф не отвечает за всю ту дурь, что натворили русские.

– Более того, – добавил Крылов, – все, что сделали русские достойного, мы объявляем заслугой уцелевших искорок скифскости в дремучей русской душе... что, по сути, так и есть!.. Все победы – от наследия скифов, все открытия и все-все, что принято записывать в достижения, – это проявления скифскости... или скифскости?.. нет, лучше скифскости. Меньше букв – запоминается лучше. А на грамматику – плевать, мы же скифы!.. Таким образом, мы будем чисты, с новой энергией ринемся на свершения, завоевания, достижения. У русских слишком сильно чувство грядущего поражения. Дескать, за что ни возьмемся, все через задницу. Особенно тяжело переживается поражение со строительством коммунизма, а потом неудачи с возвратом к капитализму...

Несмотря на ночь, несмотря на то что все естественное не позорно, ребята стыдливо косились на Яну – вроде бы теперь все можно, однако по одному все же уходило в темноту. Слышно было, как мощно лопочет листва, словно под ударами крупного теплого ливня. В асфальт мощные струи лупили с силой пожарных шлангов, разгоняющих демонстрацию.

Возвращались, торопливо застегивали на ходу «молнии» на брюках. С ходу бросались в спор, на лету вламывались в дискуссии, получали оплеухи справа и слева.

Крылов беседовал с Рабом Божьим, когда подошел Матросов, не разобрался, но явно услышал, что разговор зашел о ненавистной поповщине, только в других рясах, сказал рассерженно:

– Религия? Да какого черта нам религия? Врач видит человека во всей его слабости, юрист – во всей его подлости, попище – во всей его дурости... А от того, что поменяем попа на волхва, – велика ли разница?

В сквере повис тяжелый вопрос, совсем недавно на этой же самой российской земле строили царство счастья без религии, рана еще свежа, кровоточит, а обгорелые руины торчат из развалин экономики, науки, морали... С другой стороны, церковь настолько пала, что даже дебилы в церковь не ходят, а только клинические идиоты и политики.

Крылов ощутил неладное, поднял голову, огляделся:

– А при чем тут попы, волхвы? Это лишь атрибутика. Но вера – дело другое. Скифам вера будет нужна!.. Возможно, они... то есть мы, потому и уступили место другим народам, что потеряли веру? На этот раз наша вера должна быть крепка.

– И танки наши быстры, – пробормотал Раб Божий.

– Верить, – сказал наставительно Откин, – значит отказываться понимать.

– Вера не начало, – вставил Матросов, – а конец всякой мудрости... Что же, скифы будут идиотами? Нет, я в такие скифы не пойду!

– Вера вопрошает, – сказал Крылов, – разум обнаруживает. Это сказал Августин, один из отцов церкви. Он же сказал: будем же верить, если не можем уразуметь. Ребята, если он не

был скифом, то хоть сейчас режьте мне помидоры! Это же основа действующего человека, это закладка будущих Крестовых походов, покорения Северного полюса и начало строительства коммунизма в России! Безверие опасно тем, что, когда люди не верят ни во что, они готовы поверить во все. Мы это видим не только по массе ясновидящих, китайских гороскопов и даже шаманов, но и по политикам.

Бабай-ага сказал бодро:

– Да и вообще: у того, кому помогает Бог, помощник лучше.

А Черный Принц отметил задумчиво:

– Атеизм – это тонкий слой льда, по которому один человек может пройти, а целый народ ухнет в бездну. Так что я хоть и против попов, но тут Костя прав, какая-то религия нужна...

– Какая-то! – сказал Klm саркастически. – Вон Гитлер пытался заменить христианство древней нордической религией, откапывал старых богов... и что получилось?

Крылов сказал зло:

– Уверен, что у него все ухнуло из-за нордических богов? Ну тогда и молчи в тряпочку. Ненавижу умников, что всюду прут со злорадным: а вот у Гитлера!.. И что же, если у Гитлера дважды два равняется четырем, я должен иначе? По-моему, те, кто талдычит постоянно о Гитлере, избрали его богом. А я буду говорить, что дважды два – четыре, без оглядки на Гитлера, Сталина, Хо Ши Мина или Иисуса Христа.

Денис-из-Леса зевнул, сказал протяжно:

– Не пора ли по домам?.. Уже полночь...

На него покосились, словно он громко и мощно испортил воздух. Не говоря уже о том, что сегодня суббота, а завтра воскресенье – отсыпайся вволю, но просто всегда так неохота расходиться, и всегда хочется уйти последним, взять от этой встречи все, выпить до дна...

– Ты чо, – удивился Тор, – жаворонок, что ли?

– Нет-нет, – сказал Денис-из-Леса поспешно, словно оказаться жаворонком в такой творческой среде – это же признаться в неимоверной тупости и узости. – Я сова, сова! Прямо филин с крыльями. Просто подумал, что...

Тор поднес ему под нос кулак и дал понюхать.

– Думать, – изрек он, – вредно. Так говорит Раб Божий. Верить надо, чукча!

Крылов посмотрел на небо, поежился, ночью холодает быстро, сказал убеждающе, явно устранившись, что сейчас все разойдутся:

– Итак, с чего начинается день скифа? Вот скиф просыпается... просыпается... встает с ложа... обязательно – правой ногой. Это первое. Второе – это до чая и кофе он обязательно сразу после пробуждения выпивает полстакана воды. Простой чистой воды. Из-под крана или пропущенной через очистители, неважно. Кстати, это советуют все йоги и все медики. Но нам важно, что эта простая процедура сразу же придаст гордости тому, кто ее исполнит. Как, кстати, всякая процедура по преодолению или дисциплинизации себя... Я помню, как гордился собой всякий раз, когда заставлял себя по утрам делать гимнастику! А гордость – основа нации. Русские охотно и даже поспешно ассимилируются в других странах потому, что считают себя хуже других. А вот скиф будет знать, что он всех лучше! Как лучше русских, так и всяких там европейцев, японцев и прочих негров.

Раб Божий сказал задумчиво:

– А что... Выпиваешь пару глотков воды, произносишь молитву...

Klm поморщился:

– Тебе бы только молиться!

– Да нет, – сказал Раб Божий очень серьезно, – молитва, помимо Святейшего Таинства Общения с Богом... еще и формула внушения. Она настраивает на определенный лад... Молитва скифа, учитывая нынешний темп жизни, должна быть из одной фразы, а то вообще

из двух-трех слов. Любой психолог скажет, как это важно. Что-то типа: «Скиф – это победа!», «Нам нет преград на море и на суше!»

Крылов посмотрел на Раба Божия с некоторым уважением. При всей узколобости христианина этот все же иногда зрит корень любого учения. Наверное, общение в Корчме повлияло.

Денис-из-Леса сказал наконец:

– Черт... Метро уже закрылось! Придется через весь город пешком.

– А ты троллейбусом!

– Из троллов остались только дежурные. Вроде бы через каждые три часа... Но с моим счастьем только по грибы ходить, да и те прячутся.

Клм предложил:

– Переночуешь у меня. Я отсюда за два квартала. А вообще-то давайте завтра этим же составом... Воскресенье, день выходной! Чтоб не откладывать дела в долгий ящик, соберемся не вечером, а эдак часиков к двенадцати дня. Как раз все проснемся, успеем проверить почту...

Гаврилов сказал ясным голосом:

– Лучше в каком-нибудь маленьком кафе без пива. Утро все-таки...

Раб Божий поддержал горячо:

– Да-да, проклятый язычник хоть раз да сказал верно!

Крылов смолчал, что эти антагонисты, ярый православник и ярый язычник, почти всегда говорят в один голос и приводят одни и те же доводы.

Яна обратилась к Черному Принцу, тот стоит рядом, да и единственный при галстукке, но Крылову чудилось, что вопрос обращен и к нему тоже:

– А можно прийти и мне?

Наверное, все почувствовали себя точно так же, как и Крылов, потому что загладели, как гуси при виде широкого пруда с обильной ряской и множеством толстых жирных лягушек на листьях кувшинок:

– Конечно!

– Само собой!

– Вэлкам!

А простодушный Яшка бухнул:

– Мы все такие умные-умные, но пусть будет и что-то красивое!

Яна улыбнулась только уголком губ:

– У вас есть Лилия. Я не видела женщины красивее.

– Неужели вы редко смотрите в зеркало? – удивился Яшка.

А Денис-из-Леса сказал честно:

– Лилия хозяйка нашего сайта, наша сестра, мать, нянька, она же издатель и многое-многое чего еще. Вы видели, что она исчезла вскоре после начала встречи? А вы смогли бы украшать нашу вечеринку всегда...

Она поморщилась:

– Меня не интересуют вечеринки.

Еще бы, подумал Крылов. Знаешь, что тебе на вечеринках купаться в бассейне из французского шампанского, а веер будут подавать министры и вожаки братвы. Что тебе вечеринка с бедными студентами!

Глава 7

Он всегда просыпался мгновенно, одним прыжком вскакивал с постели, но если в какой день перебирал с пивом, то пробуждение бывало трудным. Нет, голова не трещала, но во всем теле оставалась блаженная слабость, кайф, балдеж, расслабление, которого так добиваются придурки и которое он так ненавидит всей мощью человека сильного и талантливого.

Сейчас одеяло улетело, он из положения лежа почти в сальто оказался на середине комнаты. В широком зеркале отразился крепкий молодой... да, еще молодой, сильный, плотный, как бизон, с начинающимся животиком, складки на боках, куда от них денешься с этим сидячим образом жизни, а изнурять себя тренажерами кажется глупо для мыслящего человека.

Рот до ушей, глаза щурятся, как у дедушки Ленина. Вид довольный, словно в личине кота забрался в чужой погреб и пожрал всю сметану... Ах да, это же Яна снилась, он же с нею такое вытворял...

Горячая волна прошла по всему телу. Он оглянулся на смятую постель. Так и есть, мокрые следы, свежие, а вон уже блестит и топорщится. Значитца, приснилась по крайней мере дважды...

– Яна, – произнес он вслух. – Думаешь, я настолько был пьян, что не запомнил твой телефон?

На кухне зашелестело. Дед сидел в плетеном кресле, сам дотащил с балкона, в руках газета, очки с невероятно толстыми стеклами. Поднял глаза поверх очков на внука, в глазах любовь, но проворчал, на молодых надо ворчать, да и положено старикам ворчать:

– Спишь долго. Как в тебя столько сна влезает?

– Доброе утро, дед, – ответил Крылов. – Я тебя тоже люблю.

У деда не то чтобы бессонница, старики спят мало, а его дед вообще спит по четыре-пять часов в сутки, высыпается, хотя деду можно бы храпеть хоть круглые сутки, давно на пенсии, восемьдесят два года от роду, а вот ему, Крылову, такое бы...

Из прихожей слышно было, как в дверь квартиры что-то бабахнуло, грохнуло. Крылов, морщась, вернулся в свою комнату, схватил первый попавшийся музыкальный диск и сунул в сидюк. Музыку врубил погромче. На лестничной площадке напротив обе квартиры занимает семья людей, которых в мире общечеловеческих ценностей деликатно называют людьми с замедленным уровнем развития. Их восемнадцать человек: муж с женой и шестнадцать детей.

В дверь бабахнуло так, что та едва не выгнулась. Крылов стиснул зубы, добавил громкости. Хотя для семьи замедленных выделили две трехкомнатные квартиры, но теперь места снова не хватает, оттого детишки часто затевают игры даже на лестничной площадке. Правда, они и так затевали...

Старшему – восемнадцать, это восьмидесятикилограммовый ребенок, в самом деле ребенок, ибо по умственному развитию остановился на уровне трехлетнего, выше никакие педагоги поднять не могут. Когда такой ребенок начинает биться головой в стены, в двери, в шахту лифта – на стенах остаются вмятины, железо лифта прогибается, ибо голова у ребенка, судя по всему, литая, без пустот.

Вернулся на кухню, дед сидел с торжествующим видом. На газовой плите уже джезва, снизу полыхает синий огонек. Крылов заглянул, вода есть, дед налить не забыл. Кофе молот, правда, уже не берется, пальцы ослабели, а кнопка на кофемолке в самом деле тугая.

– Дед, – предупредил Костя, – тебе кофе нельзя. Нюхать можно, а вот даже лизнуть...

– Сам нюхай, – огрызнулся дед.

Это было чисто ритуальное: и его предупреждение, и возражения деда. Как всегда, достигался компромисс между строжайшим запретом врачей не смотреть на кофе вообще и желанием деда пить его ведрами – раздираемый противоречиями внук наливал деду маленькую

чашку сла-а-а-абенького кофе, а сам торопливо поглощал свой крепкий, давясь и обжигаясь, чтобы дед не успел раззавидоваться до инфаркта.

Прогремел телефон. В сумасшедшей надежде, что это вдруг звонит именно она, Крылов почти выронил чашку, метнулся через всю комнату. Пальцы ухватили трубку.

– Аллю! – прокричал он. – Аллю!

Из трубки донеслось:

– Это я, Черный Принц. Че орешь?.. Я не разбудил?

Крылов сказал упавшим голосом:

– Привет... Просто плохо слышно. Ты ж знаешь, у меня под окнами дорога. Такой грохот стоит...

– Закрой окно, – посоветовал Принц. – Вообще в твоих случаях герметизируются и кондишен ставят. Странные у тебя отбойные молотки под окном: мне чудится ансамбль урюпинцев... Ну, и что ты надумал насчет конечной цели?

Крылов спросил настороженно:

– Какой цели?

Слышно было, как на том конце провода Принц задохнулся, словно его стукнули под дыхало. В мембране плямкало, сопело, наконец голос прорвался раздраженно-укоряющий:

– Ты что?.. Настолько перебрал, что ничего не помнишь?

– А что случилось?

Принц заорал так, что Крылов поспешно отодвинул трубку. Голос вырывался злой, горячий, темные полоски начали разогреваться до вишневого цвета. Зачарованный Крылов слышал нескончаемый вопль:

– Ты забыл, что сам же и предложил?.. Пусть предложил только для того, чтобы привлечь внимание Яны... все видели, как ты токовал и хвост перед нею павлинил, но это в самом деле... ты же в самом деле предложил такое... что жить интереснее! Костя, не дури. Ребята уже повеселели, уже собираются. Мы уже тут кое с кем созвонились, соберемся, благо воскресенье, поговорим. Ребята загорелись!

Крылов покосился на часы. Десять часов. Раннее утро, но для таких жаворонков, как Черный Принц, уже разгар дня. Неважно, что выходной.

– У меня куча дел, – проямлил он. – Ребята, вам хорошо, все вы птицы вольные, а мне надо...

– Эх, – прервал Принц мстительно, – ну ладно, как хошь. Тогда придется мне самому Яне пиво покупать...

Крылов подпрыгнул. Голос вырывался раньше, чем он успел его зажать, скрутить и выпустить четко промодулированным и взвешенным:

– Яна? Она тоже придет?

– Конечно, – ответил Черный Принц.

– Но как...

– Думаешь, ты один запомнил ее телефон?

Крылов прокричал:

– Уже одеваюсь! Где договариваетесь встретиться?

Дед пил кофе мелкими осторожными глотками. Чашку держал обеими руками, поглядывал поверх нее хитро, похожий на старую облезлую мышь. Серое лицо со старческими коричневыми пятнами порозовело, в глазах появился живой блеск. Хмыкнул, но смолчал, слышно было только сербанье, которое не заглушила даже музыка из-под прикрытой двери.

– Дед, – сказал Крылов торопливо, – когда допьешь, ты ложись. Читать и в постели полезно, врачи все врут. Лады?

– Не беспокойся, – ответил дед бодро.

Крылов метнулся в комнату – где же брюки, все разбросано, торопливо хватал и одевался, с кухни донесся скрип отодвигаемого кресла. За деда можно не беспокоиться, даже после такого кофе он чувствует прилив сил, может даже сам помыть посуду, что часто с гордостью и делает, потом возвращается на свою узкую, почти солдатскую кровать на надставленных повыше ножках, чтобы мог сам лечь и встать, с собой берет кучу книг из библиотеки внука. Чаще всего засыпает минут на двадцать, после чего снова может читать целыми днями...

Открыл дверь, выскочил, успев услышать тошнотворный запах, похожий на разлитый аммиак, и... его понесло, как на льду. К счастью, еще не отпустил дверную ручку, удержался, не дал себе упасть в зловонную жижу, хотя был близко, близко...

Ноги скользили, кое-как поднялся, отступил в прихожую, оставляя желто-серые следы. Кого-то из семьи дебилов вырвало, блевотина покрыла половину лестничной площадки. Кормят сволочей круто, среди желтой вонючей жижи виднеются куски полупереваренного мяса...

Крылов торопливо смывал в ванной с подошв блевотину, желудок поднимался к горлу. Перед глазами неотступно вставала эта смердящая лужа, вонь невыносимая, у дебилов больные желудки, срут тоже прямо в подъезде, во дворе, на детской площадке, везде – где припечет, все жильцы тут же разбегаются от невыносимой вони, но все интеллигентные и воспитанные, возмущаются дома на кухнях, глотают валидолы, спят только с успокаивающими...

Со второй попытки он открыл дверь, уже задержав дыхание. Бросил пачку газет, встал обеими ногами, быстро запер, огромным прыжком перемахнул на чистое место к шахте лифта. Но дыхание заканчивалось, задохнется, пока дождется кабины, понесся вниз по лестнице. Ладно, с десятого этажа сбегать – это ж почти утренняя зарядка бодростью...

Сколько он себя помнил, мелькнула мысль, он всегда был человеком довольно-таки благонаправленным. Под благонаправлением имел в виду не школьные отметки за поведение и не туповатое добродушие, отличавшее некоторых товарищей по детским играм. Просто как-то не нравилось делать людям гадости. И если нечто все-таки делал, то не со зла, а либо от непонимания, «что в этом плохого», либо уж потому, что просто не видел другого выхода. И если кто-нибудь внятно объяснял, почему так делать нельзя, и указывал другой выход, он с радостью соглашался и больше так не делал. Однако беда в том, что объяснить такие вещи было довольно сложно. Потому что слушал, всему верил, но потом задавал один вопрос. Ну хорошо, так делать плохо. А как надо, чтобы сделать хорошо?

Он сбегал по лестнице, хватался за перила, чтобы центробежная сила не размазала о стенки, но уже с восьмого этажа пошел медленнее, осторожнее. Здесь тоже было... минное поле. А мозг, который никогда не отдыхает... по крайней мере, у него, услужливо воскресил воспоминания детства. Видимо, по аналогии или для иллюстрации того, от чего сейчас бежал или из-за чего сейчас так зло стучит сердце.

Да, в детстве он жил недалеко отсюда, в старом пятиэтажном кирпичном доме. Лифта, понятно, не было, да и какой лифт для пятиэтажного дома, это только в барских домах лифты, а его дом был простой, хотя и населен почему-то преимущественно интеллигенцией.

На первом этаже жила добрая бабуся, которая – от доброты – прикармливала уличных кошек, благо их было много: рядом благоухала помойка, обычное место их сборищ. Чтобы кошечкам было уютно, бабуся ставила мисочку с провизией около своей двери и регулярно обновляла в ней корм. Кошки, разумеется, привадились, а подъезд приобрел неповторимый устойчивый аромат кошачьей мочи и фекалий. Ага, вот почему память воскресила то детское время... Запах на лестничной площадке был тот же, только усиленный многократно: из могучего желудка дебила излилось кошачьих фекалий в десятки раз больше, чем тогда гадили кошечки...

Время от времени кто-нибудь пытался с кошечками разобраться, но стоило только какой-нибудь мурке взвизгнуть, как бабка – то ли дежурившая под дверью, то ли чувшая сердцем

такие вещи – вылетала и коршуном кидалась на того, кто поднял ногу на бабкину животину. С бабушкой разобраться уже никто и не надеялся: позиция ее была известная и твердая, а иных методов воздействия на нее в пределах морали и закона позднесоциалистической эпохи просто не было. Время от времени, однако, кто-нибудь не выдерживал и, заляпавшись в кошачьем кале, шел к бабушке со скандалом.

Скандалы эти были однообразны и неуспешны, а проходили примерно так.

– Млин, мамаша, – говорил очередной пострадавший, – ну я не знаю, вы хотя бы убирайте за своими кошками, они ж тут все, извините, загадили!

– Я те не мамаша, ты ко своей мамаше так обращайся, – поджимала губы бабушка. – И че это – я обязана тут убирать, что ли? Я тебе тут не поломойка, мне за это деньги не платят, пусть кому надо, тот и убирает.

– Ну так же нельзя! – возмущался пострадавший. – Вы их на улице кормите, что ли!

– А на улице им невкусно есть, – охотно объясняла бабушка, – вот ты (бабка принципиально тыкала всем «молодым») небось жрешь дома, у телевизору, а не на улице, а у них ни дома нету, ни телевизору, они ж дикие, им бы погреться...

– Да жизни нет от твоего зверья! – не выдерживал пострадавший. – Ты, бабушка (на этой стадии все почему-то переходило на «ты»), забодала, млин!

– Ну ты и сволочь бессовестная, – как-то даже беззлобно констатировала бабушка, – вон морду какую наел, в ристараны небось ходишь с бабушкой своей, и дома ишо жрешь, а хоть разок кошечкам рыбки вынести... а я из пенсии своей капеешной им рыбку покупаю...

Тут глаза бабушки как бы начинали смотреть вовнутрь и наливались каким-то непонятным светом – видимо, то было ощущение своей полной и абсолютной правоты. На этой стадии даже сильно разозленный мужик отступал, бросая напоследок что-нибудь типа «совсем из ума выжила» и тщетную угрозу «обратиться в милицию». Бабушка на это только усмехалась: попытки уже были, и она хорошо знала, что милиционеры тоже ничего ей не скажут, кроме «ну, блин, мамаша». Была еще попытка напустить на бабушку карательную психиатрию (то есть наябедничать по ноль-три на предмет «тут у нас старуха психованная чудит»), но и она кончилась ничем: что бы там ни говорили, а свой умишко у бабушки был при себе.

По тому самому, что бабкин умишко работал вполне адекватно, бабушка отчаянно ненавидела и боялась детей, ибо понимала: мелкие гаденыши вполне способны обидеть ее кошечек, и причем безнаказанно. Так оно обычно и получалось: дети с гиканьем и свистом разгоняли хвостатых, выкидывали миску с харчами и вообще вели свою маленькую партизанскую войну. Бабушка скандалила с родителями гаденышей, и тем приходилось выслушивать бабкины речи, а гаденышам делались подобающие внушения.

– Папа, ну почему ей можно, а нам нельзя! – громко возмущался очередной гаденыш, которому очередной попавший под бабушку папаша от бессильной злости на ситуацию пребольно выкрутил ухо.

– Она старая... не лезь в ее дела... не трогай ее миску... – неубедительно врал папаша, – и вообще, не связывайся!

Этот категорический императив местного розлива – «Не связывайся!» – обычно вбивал последний гвоздь.

Дети, однако, бывали разные. В частности, в соседнем дворе жил некий Рома, мальчик из «нехорошей семьи», как деликатно выражались мамы и папы, объясняя чаду, почему с Ромой водиться нельзя. Семья, что правда, то правда, была прескверная, из серии «пьющие родители»; надо сказать, что и сын получился во всех отношениях неудачный. Особенно страшно было то, что он был «без тормозов», отморозок, по-настоящему. В школе был известен еще с первого класса тем, что чуть было не задушил в физкультурной раздевалке одного пацана. Несколько раз пытались «исключить», но дальше угроз дело, опять же, не шло: подобная экстраординарная мера каким-то боком вредила школьным «показателям», а потому никогда и

не применялась. Угрожали еще отправкой в «школу для дураков», однако тут срабатывали остатки совести: мальчик был вполне сообразительный, хотя проблемы с нервами у него имели место быть.

Крылов осторожно прошел площадку пятого этажа: подоконник уставлен пустыми баночками из-под пива, эти не бьют, как бутылки – их бабки все равно сдать не смогут, а вот на полу подозрительно расстелена газета... Вот в одном месте бугрится, там проступило коричневое, а вонь указывает на состав... Кто-то из жильцов постарался, прикрыл.

Так вот. Рома, продолжил он мысль, возникшую совсем не случайно – у него почти никогда случайностей не бывает, – время от времени посещавший их подъезд на предмет покурить и погреться, однажды заявился с канистрой бензина, намереваясь устроить кошечкам (а заодно, видимо, и бабке) Окончательное Решение Вопросы. До дела, правда, так и не дошло: взрослые Ромку таки поймали, скрутили и от избытка чувств надавали, потому как плеснуть бензинчиком под бабкину дверь он все-таки успел. Кто-то даже побежал звонить в милицию, однако Ромка умудрился, царапаясь и кусаясь, вырваться и убежал в неизвестном направлении – не факт, что домой.

На том дело и кончилось. Интересно, однако, то, что бабка свою миску выставлять под дверь перестала. Кошечки, правда, продолжали приходить, гнусно орали, требуя жратвы. Но население подъезда осмелело. Кошечек стали гонять. И теперь уже папаши выкручивали ухи пацанам за попытку погладить котеночка: все как-то сразу вспомнили, что кошки помойные, опасные и что они «разносят заразу» (какую «заразу», никто толком не знал, но это было уже и неинтересно).

История, что ни говори, банальная. Однако время от времени озадачивает вопрос: а почему это мы должны были терпеть кошачью вонь? В общем, по всему выходило, что не должны. С другой стороны, было точно так же ясно, что бабусю трогать было... не то чтобы вообще нельзя, но совершенно непонятно как. Говоря языком возвышенным и научным, отсутствовала конструктивная легитимная процедура приведения бабки в порядок. Существовавшая тогда моральная система допускала только два возможных метода воздействия: увещевания (по нарастающей – брань, ругань и скандал) и жалобы по начальству. Против первого бабка была защищена своим норовом, а против второго – статусом бабки (надо признать, что в позднесоветское время это был именно что статус: с бабками всякие мелкие местные власти старались не связываться, ибо хорошо знали, что выйдет себе дороже).

Более того: бабкины увлечения кошечками имели, как ни странно, некое оправдание. В самом деле, кошечек было «жалко», а те, кому их жалко не было, старались на это не нажимать, потому как это считалось «нехорошо». Слабых, сирых, обиженных судьбой и по-всякому неудачных полагалось жалеть – за одно только это. И тощенькие помойные кошечки идеально вписывались в парадигму.

Крылову захотелось хлопнуть себя ладонью по лбу. Ага, вот почему это воспоминание лезет в голову так настойчиво! Ситуация та же, только уже в масштабах страны. Только вместо кошечек – эти вот всякие дебилы, наркоманы, гомосеки, спидоносцы. А он уже тогда начинал догадываться, что кончится все это очень плохо. Потому что при таком раскладе единственным способом решить проблему оставался... и остается – Рома!

Получалась очень нехорошая схема. Вот имеет место быть какое-то явление, которое всем мешает и всех раздражает. То ли стремительно растущее поголовье дебилов, то ли гомосеки-спидоносцы на каждом шагу, которые протестуют против всяких ущемлений прав, – неважно. Однако никакого нормального способа его прекратить не существует, ну и к тому же не связываться же! В конце концов появляется какой-нибудь отморозок Рома, который, конечно, гад и сволочь, но который «решает дело». После чего все снова приходит в норму. Зато никто не брал греха на душу. Рома виноват. Он такой. Отморозок. Правда, его тоже можно пожалеть: у него ведь действительно плохие родители...

Грубо говоря, оказалось, что хороший человек (точнее, человек, желающий быть и называться «хорошим») решительно ничего не может сделать со всякими обидными явлениями жизни, разве что ныть. Из чего следовал железный вывод: дееспособно только зло.

Начиная с третьего этажа снова окунулся в тучу миазмов, вони, смрада, а на первом едва-едва не вляпался в широкую лепешку, что как жирная медуза сползает со ступеньки на ступеньку. К этому времени разогрелся так, что на спине взмокла рубашка. Словно не сбегал с десятого этажа, а взбегал. Да нет, так мощно не разогрелся бы все равно, это от злости... И теперь весь пропитывается этой вонью, этими запахами жидких экскрементов, снова пришлось задержать дыхание, пробирался уже медленнее, а на первом...

На первом и через подъезд шел, как по минному полю. Здесь кучи как старые, засохшие, с вызывающе торчащими кверху черно-коричневыми вершинками, так и широкие коровьи лепешки, еще свежие, исходящие паром, невыносимо смердящие, глаза лезут на лоб, но смотреть надо, чтобы не вляпаться, воздух уже не воздух, а желтый неподвижный туман, в котором должно гибнуть все живое... но нет: жужжат рои крупных зеленых мух, радостно набрасываются, ползают по лицу, пока ты хватаешься за перила, лезут в глаза, пытаются раздвинуть губы и протиснуться в рот, где влажно, где можно отложить яйца, из которых выведутся крупные жирные личинки...

С разбега толкнул дверь, но проклятая, помня о своем магнитном устройстве, подалась с неспешностью стотонной банковской двери. Все запоры на входе в дом для удобства семьи дебилов отключены, и теперь в подъезд заходят и окрестные бомжи, чтобы погадить, посидеть на подоконнике и выпить в безветрии, поджечь все, что в почтовых ящиках, обляять сволочей, что живут в теплых квартирах...

Глава 8

На улице он долго жадно хватал широко раскрытым ртом воздух, словно вынырнул со дна океана. Живительный чистый воздух, пропитанный запахами бензина и масел – жилыцы моют машины прямо под окнами, ароматом огромной мусорной кучи в пяти шагах, где не убирали уже две недели и мусорных баков не видно под горами гниющих отбросов.

– Дееспособно только зло? – прошептал он. – Дееспособно только зло?... Да, так думаю даже я... временами. Но как же насчет добра с кулаками?

Он отклеился от двери, потащился вверх по земляным ступенькам: дом одной стороной как бы в яме, но с другой стороны уже второй этаж, что значит – построен на склоне Воробьевых гор.

Придет Рома, мелькнула трусливая мысль. Придет Рома и все исправит... Решит и проблему дебилов. По-своему решит. Понятно, как. А мы на кухнях будем втихую радоваться, ликовать, но вслух наперебой друг другу будем говорить, что вот какой он нехороший, что нельзя же так, это ж чересчур грубо, ведь дебилы тоже люди, с ними тоже надо как с людьми... или почти как с людьми. Да, прошлое правительство чересчур много дало дебилам, но нельзя же так, как поступил Рома, ведь надо сперва все было просчитать, подумать, семь раз отмерить, чтобы ни одна слеза невинного ребенка не упала, ведь одна-единственная слезинка невинного ребенка на чаше весов перетянет все-все на свете, а кто дал право Роме решать: кто дебил, а кто не дебил, это же такая тонкая грань, да и есть ли она, ведь ее можно проводить произвольно в любом месте, а значит – вообще нельзя проводить, ибо в некоторых случаях лучше умереть самому, чем совершить несправедливость к другому...

А вот хрен вам, ответил он мстительно. Хрен я вам сам лягу в гроб! Да еще и крышкой накроюсь сам. Ждите! Я сперва вас всех уложу. А сам постараюсь остаться по другую сторону гроба. Со всеми своими друзьями, приятелями и вообще со всеми нормальными людьми!

Перебежал по мостику, через улицу. Дальше открывалась площадь с памятником посредине. Сверху движение вокруг памятника напоминает богатый украинский борщ, который хозяйка энергично перемешивает невидимой поварешкой. Тысячи разноцветных машин, иномарок и отечественных, красные, как бурак, зеленые, как всевозможная зелень, оранжевые, как морковь, и бледные, как пастернак, двигаются по кругу, иной раз делают несколько кругов, пока удастся прижаться к самому краю.

Впереди мужчина, хорошо и со вкусом одетый, остановился на тротуаре, расстегнул ширинку, долго и со вкусом мочился под дерево, совершенно не обращая внимания на проходящих мимо мужчин и женщин. Какой-то старик ругнулся, но останавливаться не стал: все, как утверждает нынешняя мода, что естественно, – не позорно.

Еще за два квартала Крылов видел, как точно так же один остановил машину, вышел и помочился на стену. Желтая моча потекла на тротуар. Не успел снова за руль, как появился милиционер, вытащил на место преступления, оштрафовал крупно, жестоко, по самой высшей ставке.

В самом деле, одно дело помочиться под дерево, там земля, а не асфальт, другое – на стену: законопослушным людям приходится переступать через его мочу, нюхать вонь. К тому же пусть тут рядом нет деревца, но на машине мог проехать дальше, вон целая стайка деревьев...

Оштрафованный сперва жалко лепетал, пытался выскользнуть из-под штрафа, а когда вынужденно расстался с половиной содержимого кошелька, орал и возмущался. Милиционер что-то сказал вполголоса, Крылов не слышал, но явно о сопротивлении властям, и оштрафованный сразу уменьшился в размерах, уполз в машину.

Правильно, подумал Крылов сочувствующе. Как бы круто ни менялась мораль, моды, взгляды – но всегда должны быть четко обозначены границы, через которые нельзя переступать. Это одна из основ благополучия умов... Эх, так бы просто все решалось на более серьезном уровне!

Ближе к метро «Пушкинская», откуда в свое время перетащили дом Сытина, площадь цвела широкими тентами. Бойко работали торговые точки, народу не то чтобы людно: напротив через дорогу лакомый для приезжих «Макдоналдс», но все же здесь всегда пьют пиво, едят мороженое, жадно глотают пирожки и пирожные, снова вскакивают и бегут, бегут...

На самом краю расположилась группка любителей пива. Он издали узнал могучую фигуру Тора, у него еще одна яркая примета – огненно-рыжая голова, рубашка дикой расцветки, возле него нечто мелкое... ну да, Откин, вон и Черный Принц...

Вообще-то можно бы засесть в кафе, они все пустые, только вечером начнут появляться парочки и самодовольные придурки, считающие себя интеллигентами, но эти уже в печенках, достали тупостью и претензиями. Постоянно и велеречиво талдычат о свободах, но попробуй в их присутствии шаг вправо или влево от «правильной линии»! К примеру, можно сколько угодно пинать и поносить фашизм, но оброни хоть одно неодобрительное слово о евреях, «общечеловеческих ценностях», Малевиче или Кандинском! Не только истощный вой, но и будут призывы уничтожить красно-коричневую сволочь, мол, я разделяю общечеловеческие ценности о сверхценности жизни, но Есть Вещи, Которые Терпеть Нельзя!

Он уже завелся, но, когда подходил к площадке, злость улетучилась, как пары эфира. За широким столом, уставленным кружками пива, расположились Тор, Черный Принц, Lordwolf, Бабай-ага и Откин. Креветок еще не было, как и пустых кружек. Только начали, но ор уже такой, что музыки не слышно... Ах да, здесь ее вообще нет, как хорошо, только шум проезжающих автомобилей... да едва слышное подрагивание почвы под ногами: там трехуровневая развязка метро.

Он невольно обшарил взглядом всю площадь зала, но Яны нет, мир пуст, и вообще здесь только корчмовцы да пара гостей столицы, что жадно поглощает мороженое, такое лакомое в Москве и невкусное в родном городе.

Черный Принц приветственно помахал рукой еще издали:

– Еще подойдут!.. Долго ты добирался.

Крылов сел, ему придвинули кружку. Пенистая шапка покачивалась, грозя вот-вот пойти блестящим селевым потоком по толстому стеклу.

– Придет Рома, – сказал он, – и все устроит... Ребята, а ведь в самом деле, дождемся!

– Ты о чем? – спросил Черный Принц.

А Бабай-ага, которому всегда все было понятно и непонятно, сказал задиристо:

– А мы что, сами не ромы?.. Да мы такие ромы, что всем ромам по роме, а потом еще и кое-что в зад, чтоб голова не качалась! Ты че, Костя? Ты чем не Рома?

Крылов жадно отпил, но удержаться не смог, осушил до дна. У дальней стойки сразу пришло в движение, вскоре из-за спины выдвинулись белые руки, официантка умело переставила с подноса тяжелые кружки из толстого стекла. Янтарное пиво, белоснежные шапки пены, где пузырьки лопаются медленно, неспешно, разжигая жажду.

– Журавлев и Лилия не придут, – сообщил Принц, – еще Барон и Локи вынуждены отбыть на дачи. Родня достала, зато напросились Кулебякин и Зомбоид. Ты знаешь их по сайту. Умные мессаги забрасывают.

– Уже знают, – спросил Крылов, – о чем речь?

– Я им рассказал, – ответил Принц. – Они в восторге...

Но сам, судя по его лицу, сам был вовсе не в восторге от хулиганской затеи. Да и самому Крылову при свете солнечного дня казалось смешным и нелепым все, что говорилось в пья-

ном угаре. А тут еще вот-вот подойдет Яна, появится ее роскошное тело, от него такой с ног сшибающий и в то же время неслышимый запах, не поймать никакими приборами, но сердце трясется, внизу живота жилы начинают судорожно напрягаться, а железы внутренней секреции обильно выделяют слюну. Про гормоны вообще молчок, и так из ушей выплескиваются, будто в черепе кто-то с силой бьет ногой по лужам..

– А я как раз с тусовки эльфистов, – сообщил Бабай-ага. – Вот уж поистине доброжелательные люди!.. Не чета нашим патриотам, что в каждом видят врага!

Крылов сказал с неохотой:

– Патриоты вообще-то не доверяют никому и ничему, даже себе, ибо свято убеждены в коварстве и могуществе противника. В этом они и усматривают собственную патриотичность. И если завтра на место нынешнего президента сядет их Барклаев, они тут же объявят его агентом мирового сионизма, а называть будут не иначе как Симон бар– Клае.

Подошел Матросов, издали вскинул руки в приветствии. Уловил обрывок фразы, покраснел, обиделся, притащил от соседнего стола стул и спросил почти враждебно:

– А ты кто?

Крылов мягко поинтересовался:

– Ты имеешь в виду национальность?

– О национальности лучше не надо, – отрезал Матросов подозрительно. – Ты вон какой-то рыжий больно, а среди пархатых рыжих больше, чем среди ирландцев. Ты лучше скажи о своих убеждениях. Это надежнее.

Крылов двинул плечами:

– Да всегда пожалуйста! Мои убеждения полностью совпадают с моей национальной принадлежностью: «национальность и убеждения – русский». Правда, это не предельно точно. Я скорее патриот, нежели националист. В строго державном стиле: я люблю свою страну больше, чем «свой народ».

Матросов при общем молчании спросил еще подозрительнее:

– Это как?

– Под «моей страной», – ответил Крылов ровно, – я понимаю отнюдь не территорию. У меня как-то не захватывало дух при мысли о родных осинах. Если Россия захватила бы Францию или Индию, я бы не огорчился. Я понимаю Россию как «нашу власть», а не как «нашу землю». Честно говоря, я презираю саму идею «почвы» и именно поэтому считаю идею «суверенитета» глупой и гадкой. Когда кучка людей на кусочке земли вдруг начинает крыситься, хочется надавать им по раззявленным рожам. Как бунтовщикам и предателям. Ты уж прости, но я решительно не понимаю идеи типа «Для нас Россия должна быть важнее всего». Мне, разумеется, не нравится тут это самое «для нас». Потому что в таком случае и для эстонцев превыше всего их поганая Эстония, и для чеченцев, прости Господи за плохое слово, «Ичхерия».

Его слушали молча, он всегда умел говорить убедительно, но на лицах напряженное непонимание и вопрос. Матросов вообще смотрел исподлобья. Он в самом деле из тех, кто перед решительной схваткой с внешним врагом готов чистить собственные ряды до бесконечности, пока не останется один. А потом начнет копать в себе.

– Поясни, – потребовал он.

– Нет такой самостоятельной идеи – «Россия превыше всего», – ответил Крылов. – Это просто вариант идеи «Каждый народ должен любить себя паче всех прочих». То есть все остальные тоже «право имеют». Но согласиться с этим никак нельзя. Не имеют они никакого «права», как, впрочем, и никаких «прав» вообще. Собственно говоря, все разговоры о «русской идее» упираются не в «идею», а в «Россию». Потому что непонятно, что такое «Россия» и на что она похожа. Условно говоря (тут со мной можно очень и очень поспорить, можно даже разгромить в пух и прах, но тем не менее определенную сторону дела я тут все же попытаюсь

хотя бы обозначить), в каждой стране есть нечто главное, вокруг чего вращается все остальное. Типа того, что Израиль – это прежде всего «наш народ». Америка – «наш бизнес». Франция – «наша культура». Англия – «наши обычаи». Германия – «наши порядки». Разумеется, все эти соответствия весьма условны, но что-то такое в них есть.

Бабай-ага спросил веселым голосом, он везде старается сгладить напряжение:

– А что Россия? Квас и матрешки?

– Россия, – ответил Крылов с нажимом, – это «наша власть»! Можно долго спорить о том, что такое «власть» и «наша» ли она, и все эти споры будут правильны и уместны, но уже внутри этого. Понимаете? Внутри. Потому что из этого надо исходить. Если мы не принимаем этого утверждения или заменяем его другим, то мы промахиваемся, оказываемся вне всей патриотической проблематики. Я желаю себе и своей стране не столько полных магазинов, свободы или еще чего-нибудь эдакого-такого. То есть это все очень хорошие вещи, и, разумеется, очень хочется, чтобы все это было. Но тем не менее в первую очередь я желаю себе и своей стране не этого. Во всяком случае, не прежде всего. Нет, прежде всего – победа над врагами и, разумеется, власть. Наша власть. Потому что без этого ничего не будет. По крайней мере, для нас.

Матросов подумал, буркнул полуодобрительно:

– Хотя ты и в очках, но сейчас брякнул в самую точку.

– В этом и состоит суть патриотизма, – продолжал Крылов. – Патриот желает своей стране (и своему народу) не столько «добра» и вкусной кормежки, сколько превосходства. Демократ, разумеется, добавит «...без штанов» и вспомнит про Верхнюю Вольту с ракетами. И будет не прав. Штаны обязательны, потому что без них превосходства не получается. Чего Совок вовремя не понял, а потом советские удивлялись, почему это их негры держат за своих, а не за людей (а какие-то французишки, у которых атомных фугасов в сто раз меньше, пользуются полным респектом). Демократы не всегда желают России зла. Но они обязательно жаждут ее унижения. Демократ может быть не против богатой России. Но Россия как государство должна быть, по их мнению, жалкой, всеми презираемой, неагрессивно-безвредной, не страшной и не опасной (и, соответственно, не интересной) ни для кого. Может быть, нас даже будут кормить за безвредность, и чечевичная похлебка будет сытной и наваристой. Но мне не хотелось бы вступать в дискуссии относительно того, положат ли нам в миску достаточно гуши и будет ли сей супчик сварен в полевой кухне натовских частей, расквартированных под Владимиром, или в закопченном ваххабитском котелке на развалинах дагестанской деревни.

Черный Принц грохнул пустой кружкой о стол. Лицо его, почти не тронутое солнцем, враз потемнело. Черных он ненавидел люто, черные – это все кавказцы, а не какие-то там негры, которых вообще не существует. На втором месте после черных у него стояло НАТО.

Крылов отхлебнул пива, сказал уже упавшим голосом:

– При этом я отдаю себе отчет в том, что массовый патриотизм сейчас (и долгое время спустя) в современной России почти невозможен. Времена Минина и Пожарского прошли, а время «нового патриотизма» еще не пришло. Демократы преуспели, а патриоты проиграли борьбу за массы. Массы предпочли даже не пепси (это было бы еще что-то внятное), а «Санта-Барбару» с «Просто Марией». То есть поглядение на чужую красивую жизнь; красивую не в последнюю очередь потому, что чужая.

Матросов выругался, Крылов чуть повысил голос, ибо Бабай-ага и Lordwolf уже не слушали, переговаривались:

– Из этого, кстати говоря, совершенно не следует, что патриотизм обречен! Если говорить серьезно, патриотизм нигде и никогда не был «массовым». Патриотическое мировоззрение – привилегия и обязанность, которую могут на себя брать далеко не все, особенно в России. Собственно говоря, для обычного человека патриотические эмоции – это нечто экстремальное, нужное и уместное только в особых ситуациях (скажем, на войне). Патриотизм должен быть интегрирован в культуру, составлять ее часть, может быть, «активное начало», но не в

голом и явном виде. Одна из проблем с русской культурой состоит, кстати, в том, что там этого нет или почти нет. В таком случае «патриотическую идеологию» и надо создавать именно как мировоззрение «немногих лучших», а не как общенациональный клистир немедленного применения. Это не значит, что на «немногих лучших» надо остановиться и закончить дело кружковщиной. Но, по крайней мере, это правильное начало.

Глава 9

Матросов смотрел угрюмо. Крылов не понял его тяжелого взгляда, затем губы Матросова задвигались, он говорил свистящим шепотом, но Крылов чувствовал, что Матросов кричит во весь голос, кричит, надрывая связки, вон жилы надулись на шее, на лбу, а лицо побагровело, как переспелый помидор:

– Вы что же?.. Вчера такие орлы, мир переворачивали, а сегодня... в самом деле поверили... этим гребаным ящикам, этим писакам... что миром правят те жирные свиньи, которых мы выбираем? Они рулят? Вершителей судеб? И наших судеб?.. А нам позволено только выбрать из этого стада свиней... нет, даже не так! Нам позволяют исполнить ритуальный танец всеобщих и демократических выборов... но все-таки мы должны избрать именно тех, на кого нам укажут?.. Да еще быть по самые помидоры счастливы исполнением «своего гражданского долга»! Поверили?.. А вот хрен им!!! Ребята, у нас есть головы, а эти головы не только для того, чтобы носить шляпы или колоть лбами кирпичи на потеху этим свиньям!.. От нас зависит, каким будет мир... В каких странах и народах будут жить через сто лет! И какие страны будут, а каким не быть. И какие границы... и будут ли они вообще. И какие народы!.. Поймите же, мы можем!.. Мир можно менять и поворачивать каждое мгновение, что утекает, утекает, утекает! Но если можем, какого хрена нам оставаться статистами?

Крылов чувствовал себя неловко. Он только что вкусно и правильно порассуждал на тему национализма. Порассуждал оригинально, совсем не так, как говорят о нем правые или левые. Высказал парадоксальные свежие взгляды. Его слушают с вниманием, уважительно, восторгаясь блеском его логических построений...

Долго молчавший грубый Тор брякнул:

– А что? Щас мы и есть тилигенты, над которыми смеемся. Потрепать языками – ого, еще как можем. Да еще под пиво, водочку, соленые огурчики. А вчера мы в самом деле клевое дело затеяли... было.

Крылов чувствовал себя неловко. Вчера перебрал, это темное пиво – коварная штука, захмелелость подбирается незаметно. Что-то там говорили о скифах, он сам выдвинул парадоксальную идею построения скифского государства... ну да, подошла Яна, срочно надо было чем-то блеснуть... потом эту идею углубляли, расширяли.

А сейчас вот с самого начала не удалось сесть так, чтобы держать взглядом ту сторону улицы, откуда покажется Яна: все мужчины стараются сесть именно так, чтобы зад был защищен стенкой, а мордой ко входу, это называется «собака в конуре».

Подошел Klm, за ним – Раб Божий, еще пара незнакомых, они назвали свои имена вместо ников, Крылов их тут же забыл. Да и они сели скромненько, рты не открывали, заказали пепси.

Klm и Раб Божий сами сходили к буфету и вернулись с пивом и креветками. Крылов не утерпел, выдвинул стул, сел к столу боком, глаза косил, заговорил громко, убедительно:

– Да нет, я не отказываюсь от идеи... идеи Великой Скифии! Просто... я просто медленно подвожу базу под эту идею. Ведь это выбор пути! На самом же деле, сколько бы ни говорили о бесконечности дорог развития, на самом деле, повторяюсь, выбор крайне узок. Это либо режим щажения, либо – тренировки. Третьего просто нет. Первый путь: это работать по минимуму, стараться не перетрудиться, работу искать такую, чтобы платили больше, а спрашивали меньше, после работы сразу же отдыхать, расслабляться, балдеть...

Матросов фыркнул:

– А кто живет иначе?

– Второй, – сказал Крылов невозмутимо, – это и после отработанного минимума добавить нагрузки: в учебе ли, в спорте, диете... Можно порасслабляться, жалея себя, но можно даже в усталости встать и покачать железо, наращивая мускулатуру. Можно сесть и до поздней

ночи грызть гранит науки. Можно следить за своей фигурой, сгоняя складки жира с живота и боков, выпрямляя спину, можно изнурять себя тренажерами, проливать реки пота... Оба этих человека... щадильщик и тренировщик, получают равное удовольствие, но – разное! Один тем, что не утруждается, другой – что ходит с мощными мускулами, знает ассемблер и яву. Понятно, что первых, я говорю о щадильщиках, девяносто девять процентов в любой стране. И если начинать создавать новый народ... ну, пусть возрождать старый древний, то надо не просто ориентироваться на этот один процент, а надо сделать его обязательным...

– Как это?

– Ну, у всякого наступает такой момент, когда устает качать железо. Не потому, что мышцы трещат, это терпимо, а как бы... ну, другие не качаются, а счастливы. Так вот, качание железа для скифа должно быть обязательно.

Тор инстинктивно раздвинул плечи, напряг и распустил пласты мышц, лишь затем переспросил непонимающе:

– Качание железа?

Крылов поморщился:

– Я фигурально! Ты что, других фигур, кроме фи́ги, не знаешь? Качать железо – это идти через усилия. Только человек может качать железо! Никакое животное, пожрав, не станет трудиться сверх необходимого. И человек, который при первой же возможности старается отдохнуть, расслабиться, побалдеть, – это уже не человек... с точки зрения скифа.

Klm сказал предостерегающе:

– Э-э, полегче! А то мне слышится что-то не то нацистское, не то расистское. Мне, как еврею...

– Для скифскости нет ни элина, ни иудея, – сказал Раб Божий торжественно.

Klm удивился:

– Да что же, скифство – это вроде новой религии?

Матросов с явным сожалением покачал головой:

– Нет. Религии все обгадились здорово. В них все еще идут, но уже только идиоты. Некоторые еще из моды, из желания чем-то поживиться... Но древние узы крови говорят сильнее! Так что удобнее делать это национальностью. Ну, пусть пока народом или даже народностью. А потом, если выживем, то переведем и в национальность.

Откин пожаловался:

– У меня это пиво уже начинает из ушей выплескиваться!.. Нельзя ли перейти на что-то другое?

Тор заявил знающе:

– Чем больше выпьешь пива, тем красивее наши женщины! А что ты хочешь?

– Например, – сказал Откин сердито, – кофе.

– Нельзя, – ответил Бабай-ага сожалеюще.

– Почему?

– Считут интеллигентами. А то еще интеллектуалами в придачу. Нет, надо держать марку людей сильных и напористых.

– Это пивуны-то напористые? Да они только пузы отращивают! Только сопят, рыгают да гогочут перед телевизором. К тому же, кроме матчей по футболу, ничего не смотрят.

– Хоккей еще смотрят, – возразил Раб Божий с укором. – Я, к примеру, хоккей смотрю... Ну, смотрел раньше. Но Матросов прав, я тоже перейду на джин с тоником. А немного интеллигентности тоже не повредит. Кофе – исконно-посконно скифский напиток! Он рос в Аравии, просто куст тебе и куст, но как-то раз один скиф заметил, что козы, поев листьев кофейного дерева...

– Я эту легенду слышал, – прервал Принц, – но там было сказано, что заметил араб.

– А что еще было сказать? Скифы уже как тысячу лет ушли с Аравийского полуострова. А до этого двадцать девять лет оккупировали всю Азию, Палестину, Мидию...

– Знаю-знаю. Теперь это я назубок знаю. Так, говоришь, скиф кофе открыл?

– Скиф!

– Ладно... Эй, девушка! Смели тогда и на мою долю, хорошо?

– Эксплуататор, – укорил Бабай-ага. – Не по-скифски утруждать красивых женщин.

– А некрасивых?

– Некрасивых нужно, – сказал Бабай-ага с убеждением. – При чем здесь дискриминация? Пусть все стараются быть красивыми. Красивой стать может любая, стоит только постараться. А кому лень, той лом в руки, и пусть асфальт долбит... Это я теперь знаю. Я вчера сбросил лишние восемьдесят килограммов!

Принц открыл рот, смерил его взглядом, не настолько уж Бабай-ага и был толстым, спросил недоверчиво:

– Это как?

– Развелся, – объяснил Бабай-ага, – так что теперь свободен, располагайте мной!

– Это в каком смысле?

– Я те дам смысл! Просто решил, что это слишком дорогая плата за то, чтобы мне иногда стирали носки.

По спине пробежала сладостная дрожь. Мышцы напряглись, плечи разошлись в стороны, а грудь выгнулась вперед, словно изнутри надували, как жабу через соломинку. Он еще не понял, на что так среагировали его рефлексy, но сердце подпрыгивало, кувыркалось, ходило на ушах, а душа внезапно потребовала, чтобы он встал и запел – громко и возвышенно.

Из далекого подземного хода вынырнула Яна. Там еще двигались в разные стороны люди, среди них мелькали обнаженные до пояса тела молодых женщин, но Крылов видел только блистательную Яну: божественную, в легкой шляпке, спасающей от солнца, в легкой блузке, закрывающей ее от горла и до запястий. Юбочка, правда, микро, скорее – широкий поясок, белоснежные трусики выглядят дразняще, длинные ноги несут уверенно и красиво...

– Классную девку отхватил этот хмырь, – послышался рядом завистливый голос Черного Принца.

Сердце Крылова оторвалось и, брызгая кровью, рухнуло в пропасть. Рядом с Яной шел разбитной и свойский Алексей, улыбающийся, круглый, румяный, благожелательный, с крупными буквами на лице: «Smile!» и надписью на Т-майке: «Make fuck, no make war!»

Яна светло улыбнулась, Алексей помахал рукой. Он лучился радостью, безмятежным счастьем и благодушием. В воображении Крылова пронеслось, как он сладострастно изничтожает соперника, выламывает руки и разбивает камнем голову... просто за то, что тот идет с этой женщиной и владеет ею... изничтожает и нисколько не чувствует себя виноватым...

Он встал, радушно раскинул руки:

– Прекрасно! А то мы уже начали переходить с пива на мороженое. Здравствуй, Алексей. Здравствуйте, Яна.

Алексей зябко передернул плечами. Сказал с отвращением:

– Мороженое после благородного пива? Какая гадость!

Яне со всех сторон выдвигали стулья. Она царственно присела, в ней чувствовалось смущение девушки из глубинки, где даже с самыми красивыми обращаются, как с коровами, без особых церемоний, а здесь надо учиться не отпрыгивать с визгом, когда тебе подают зонтик, и не выдергивать с воплем руку, когда ее пытаются поцеловать.

Алексей сел рядом с Крыловым. Безошибочно вычленил лидера, вспомнил Крылов, старается произвести впечатление и завязать полезные контакты. Далеко пойдет, если милиция не остановит... Да какая к черту теперь милиция, одни чучела для насмешек!

– О скифах? – поинтересовался Алексей. Перед ним поставили пиво, он поблагодарил кивком, признался: – Хорошо вам... Говорить о скифах все равно что спорить о форме ушей эльфов. Значит, все у вас хорошо. А вот мне хреново. Черт, даже туфли купить не на что! Там трещина в подошве, вроде бы не видно, но когда дождь, то вся грязь почему-то пролезает и собирается, зараза... А назад ни в какую...

Крылов косил глазом на Яну, ее с двух сторон развлекали Черный Принц и Klm. Один рассказывал про раскопки в Чертомлыцком кургане, другой доказывал, что русская армия – самая интеллектуальная в мире.

– Уши эльфов? – переспросил Крылов. – Почему уши... Ах да!.. Ну почему же, можно попытаться сделать что-то и со скифами... Почему нет? Примкнешь?

Алексей признался:

– Да ты знаешь... После нескольких обломов хочется взяться наконец-то за что-то более реальное.

Крылов удивился:

– Это партия дебилов – реальное?

Алексей улыбнулся бесшабашно:

– Риск, конечно, есть... но дело того стоит. В этой дикой стране могут пройти любые дикие идеи. К счастью, Россия – еще не приютуженная и подстриженная Европа. У нас еще могут рождаться мироменяющие идеи... к тому же есть народ, что пойдет за ними!

Крылов посмотрел пристально, Алексей высказывает те же мысли, что роятся у него в черепе. Значит, еще кто-то где-то копает в этом направлении. Ладно, пусть не в этом, но тоже копает. И может раньше докопаться до чистой воды. Или вообще до чего-то, но докопаться.

– А почему не бизнес? – спросил он.

– Облом, – пояснил Алексей. – Я ж говорил. В одном деле нас кинули, в другом – шеф собрал все деньги и смылся. Пробовал открыть дело сам, но для раскрутки не хватало бабок. Словом, надо было сперва открывать что-то липовое по сбору этих жабьих шкурок... Ну, отсюда один шаг до политики. Я сперва решил было создать какую-нибудь фирму, чтобы собрать деньги придурков... этих, которые замедленные, потом узнал, что за них все решают опекуны. Тоже облом! Но если создать партию придурков, то в нее вольются и те, кто их обслуживает: родители, больницы, организации, издательства...

– Издательства?

– Ну да, которые печатают для них особые пособия. Кстати, телевидение тоже поддержит, там ряд передач прямо ориентирован на дебилов. Всякие там угадай имя, счастливый случай, лото, лотереи, спорт, каскадеры-каскадеры, герой без галстука и штанов, сам себе автор и режиссер... А это ж на всех каналах! Так что поддержка будет! Понимаешь, надоело в драных штанах ходить... Да и тебе – разве не так? Нам неча терять, кроме дранья! А приобрести можем все, все, все!

Он сделал загребательные движения обеими руками. И хотя он смеялся во весь рот, Крылов видел его серьезные глаза и твердые складки у рта.

Со своим стулом придвинулся, ерзая по полу с жутким скрипом, Откин. Сказал мечтательно:

– А если взять не скифов, а... ну, есть еще круче – викинги! Вон и Тор – за, он чем-то был у викингов.

Тор услышал, оскорбился:

– Тор – бог войны, грома и воинов у викингов!

– Вот-вот! Я ж и говорю, что и ты не последний пастух...

Крылов холодно взглянул на обоих:

– Зачем ходить далеко? Журавлев прав, возьмите чеченцев. Те же викинги.

Откин оскорбился, Крылов видел, что все начали морщиться, даже Черный Принц с трудом оторвал от вызывающе высокой груди Яны масляный взгляд, вперил в него, и что этот взгляд с каждым мгновением холодеет и становится тверже.

Крылов удивился:

– Вы что? В самом деле не видите, что это одно и то же? Ах, чеченцы плохи тем, что грабят вас, родимых, а викинги хороши, ибо грабили когда-то давно и не вас?.. Бросьте. Всего-то разницы, что одни жили в скалах, другие – в горах. Давайте о другом. Вы помните, что, когда Гиммлер слышал слово «культура», он хватался за пистолет. Когда это слово слышит американец, он с готовностью ржет и ждет швыряния тортами. Но мы, скифы, тоже должны определить свое отношение к культуре!

– Культуре? – переспросил Тор с недоумением.

– К ней самой, – сказал Крылов с сарказмом. – Не к туризму. Кто скажет, что такое культура с точки зрения скифа?

Все молчали, посматривали друг на друга. Потом взгляды повернулись к Крылову. Тот пробормотал:

– А что, для вас и это новость?.. Культура – это возделывание. Это развитие общества, выраженное в создаваемых им духовных ценностях. Материальных, понятно, тоже, но все же главное – духовные ценности. Мы знаем, какие духовные ценности создала западная цивилизация... и знаем особенности, которые эти ценности принимают в той или иной европейской стране. Мы знаем общемировые духовные ценности Востока, ценности буддизма, ислама... Теперь надо определиться с духовными ценностями скифа!

Klm не выдержал:

– Ребята, но это ж чересчур! Ценности вот так с ходу не придумываются.

Крылов сказал насмешливо:

– Да?

– Да, – ответил Klm раздраженно. – Ценности создаются тысячелетиями!

– Всегда ли? – спросил Крылов размеренно. – Гаутама создал за пару лет размышлений, Христос тоже не очень долго ломал голову, а вот Мухаммад как придумал ислам, так он в таком же виде и идет по миру, подминая страны и народы. Если же учесть, что в тот регион, где жил неграмотный Мухаммад, не забредали ученые, мыслители, там не было школ, университетов, то выходит, что может создать могучее учение, создать духовные ценности один человек за сравнительно короткий срок жизни!.. Ребята, нам намного легче. У нас на столе... а у кого и на лазерных дисках – хвала пиратам! – лежат все учения и все духовные ценности человечества, все их ошибки, все достижения, все наработки, вся дурь и все успехи. Если Волк вон стоит на ушах в сунь-хуне, если Откин нашел истину в буддизме, то... то что же, неужто это все, что мы в состоянии взять из мировой цивилизации?

– Так что же, у нас будет синтоизм... тьфу, синкретизм?

– Синкретизм, – проворчал Тор. – Я что-то слышал про ворону в павлиньих перьях.

– Ни фига, – возразил Бабай-ага. – Это ты та самая ворона! С той самой минуты, когда занялся китайским тэквондо. Или когда купил дешевенький тайваньский комп.

– У меня брендовый! – обиделся Тор.

– Отечественный? – спросил Бабай-ага ехидно.

Тор заткнулся. Из отечественного у него только стельки в растоптанных адидасовских кроссовках.

Глава 10

Яна, стучало в голове. Черт, чем он занимается, о чем говорит, когда под этим майским солнцем гормональное давление готово разорвать его, как фугас. Все его инстинкты могуче велят сграбастать ее и тут же поиметь, а он вместо этого что-то жалко пищит о новых ценностях, что должны прийти в мир... Неужели кора головного мозга так сильна, ведь она всего лишь тонкая пленка на кипящем молоке... Да нет, это кипящее молоко древних инстинктов, что правят человеком и миром, велят коре говорить то, что поможет укрепить их власть, власть инстинктов...

Замужем она или нет? Наверное, все же замужем. Чтоб такая принцесса ходила свободно, без золотых оков? Наверное, замужем за пастухом или скотником, но здесь, в Москве, не сегодня завтра будет принадлежать кому-то из тузов. Тоже понятно, только тузы могут владеть такими женщинами. Такими дорогими женщинами. Либо ее заметит и ухватит кто-то из финансовых воротил... такую да не заметить!.. Либо из правительства, а то и вовсе криминальный авторитет. Впрочем, все это может быть в одном человеке. В России все возможно... А сейчас она пока свободна – Алексей не в счет, он просто первый ее знакомый... Наверное, она и остановилась у него, спит с ним в одной постели, покорно терпит все, что он с нею проделывает...

Он вздрогнул, рядом темпераментно вопрошал Откин:

– Кто во главе? Нет, вы скажите мне, простому демократичному скифу... Нет, лучше простому вольному скифу, кто будет во главе нашего народа? Или державы, как правильнее?.. Президент?.. Царь?... Папа римский?.. Верховный жрец?

Все повернулись к Крылову. Тот поневоле вынырнул из кипящего океана жарких видений, ответил с вызовом:

– А не один хрен?

– Как... это...

– Да так. Во главе должна быть личность. Сильная личность! Плевать нам на тот визг, что, мол, править миром должно большинство, а не личности. Личности правили миром всегда! И правят донныне, что бы там ни говорили о коллегиальном правлении, о разделении функций. Если бы не Магомет, то исламского мира наверняка не было бы в помине... Даже не наверняка, а точно не было бы!.. Если бы не Наполеон Бонапарт, карта мира была бы другой. Если бы генерал де Голль не настоял на своем праве иметь французскую атомную бомбу, то Европа была бы не такой... Что бы ни говорили о том, что, не будь Гитлера, мол, на его место пришел бы точно такой же, а история не изменилась бы, – брехня! Все знаем, что брехня. Только не хотим признаться самим себе. Не хочется подчиняться личностям, а вот «историческому ходу процесса» – дело другое. Не так, мол, обидно! Брехня. Какое ни ничтожество у нас президент, а с другим президентом, как мы понимаем, политика будет другой. Да что там президент! Даже когда меняются премьер-министры, и то страна меняет курс. А с ним в чем-то меняется курс и всех стран мира. Так что от личности зависит очень многое. Итак, во главе скифов должна стоять Личность. А как ее назвать... Ришелье был попом, а правил Францией и преобразовал мир совсем не по-попьячему!

– Ксай, – предложил Тор, – что значит «царь». Царевичей так и звали: Колоксай, Арпоксай, Липоксай.

Он умолк, истощив запас знаний по скифской истории ровно на половину. Крылов снова ощутил, что на стуле сидит и держит в ладонях пустую кружку его тело, а душа перескочила на ту сторону и сидит рядом с Яной, ревниво отпихнув Алексея.

Она не просто восхитительная, пискнуло в мозгу. В ней природа сумела воплотить такую чувственность, что мужчины шалеют, еще не видя ее, беспокойно поворачивают головы, огля-

дываются, а когда видят, морды становятся такими мечтательными, что не стоило и пытаться угадать, что они с нею проделывают в своих разнузданных видениях.

– Как вам здесь? – рискнул поинтересоваться он.

Она раздвинула полные сочные губы в провоцирующей усмешке:

– Усы делают мужчину старше, очки – мудрее, а отсутствие денег – сговорчивей. Значит, вы самый умный, да?

Он пробормотал:

– У меня еще и денег нет... Так что вам удастся меня сговорить на что угодно.

Солнце сделало полукруг, тень отодвинулась, Крылов чувствовал, с какой силой начинает припекать колени. Он сдвинулся со стулом подальше в тень.

В трех шагах по проезжей части проскакивали раскаленные, как камешки в костре, машины. В них щелкало, потрескивало. Из-под капотов летели искры. За рулем даже старые матроны сидели голые, нимало не стесняясь дряблой кожи или обвисших до пояса груди, смотрели поверх руля, губы стиснуты зло, сигналият часто, чертовы пробки, чертова жара...

Откин спохватился:

– Ого!.. У меня собака негуляная. До завтра, ребята! Увидимся на сайте.

Черный Принц взглянул на часы:

– Да, засиделись. Со скифами кое-что решили. Остальное выложим на сайт, обсудим. Добро?

Алексей поднялся, Яна подняла к нему вопрошающие глаза. Сердце Крылова бешено заколотилось, зануло, на миг почудилось, что она останется, а Алексей уйдет... но Алексей протянул руку, Яна замедленно коснулась его ладони. Встала легко, словно невесомое облачко, сердце Крылова оборвалось, рухнуло и долго-долго летело в бездну.

– До встречи, – пропела она музыкальным голосом.

Алексей одарил всех сверкающей улыбкой государственного деятеля.

– До встречи, – сказал он. – Мне нравится с вами, ребята. Но у вас это игра ума, ролевуха. Эрпэгэшка. Вечные игры русской интеллигенции... даже той, что уже и не считает себя интеллигенцией! А надо бы что-то реальное...

Он стиснул пальцы с такой силой, что, будь в ладони яблоко, во все стороны брызнул бы сок.

Все же возвращался в приподнятом настроении. Он и раньше участвовал в ролевухах, или, как их называют официально – RPG, role-play game, когда участники устанавливают правила игры, разбирают роли, а потом несколько дней, даже месяцев живут в новых образах. Часто получалось довольно забавно и всегда интересно. Но эта ролевуха получается самая интересная, необычная...

Дед спал в кресле, газета на коленях. Крылов убрал газету, ноги укрыл пледом, дед иногда мерзнет даже в зной, задернул штору. Спи, дед. Досыпай за те бессонные ночи, когда ты на брюхе полз под выстрелами к рейхстагу.

На кухне Крылов остановился в задумчивости: горячий кофе или холодное пиво?

В это время в дверь позвонили. Через «глазок» был виден кругленький человек с портфелем в руке, явный клерк. Крылов отворил дверь, даже не спросив: «Хто?»

– Уполномоченный района по квартирному вопросу, – вежливо представился человек. – Разрешите войти?

– Входите, – пробормотал Крылов. – Прошу...

Он отступил, кругленький вошел уверенно, деловито. Взгляд его был быстрым, цепким, но если люди из тайных служб больше смотрят на собеседника, читая его подсознательные реакции, то этого уполномоченного Крылов абсолютно не интересовал.

Аккуратно прижимая к боку портфель, уполномоченный прошелся по обеим комнатам, выглянул на балкон, вернулся в прихожую. Крылов ходил за ним следом, встревоженный, но из-за чертовой интеллигентности никак не решаясь спросить в лоб: какого черта надо?

Уполномоченный открыл и закрыл двери в туалет, ванную, придирчиво пощелкал выключателями, сказал укоризненно:

– Тугие... И почему так высоко? Теперь принято ставить на уровне пояса, чтобы даже ребенок мог сам зажечь себе свет... да и погасить. Если сумеет, конечно.

Он продефилировал на кухню, там так же придирчиво проверил, как работает газовая колонка. Заглянул в духовку, покачал головой:

– М-да, не совсем удачная конструкция... Впрочем, это неважно.

– Я тоже так думаю, – сказал Крылов язвительно.

– Неважно потому, – изрек уполномоченный, – что все это придется заменить.

– Почему? – удивился Крылов.

– Газовая небезопасна, – объяснил уполномоченный снисходительно. – Куда проще в обращении электроплита.

– Ну и что? – удивился Крылов. – Я как-то справляюсь.

– Вы? – удивился уполномоченный. – При чем здесь вы?

Крылов пробормотал:

– Потому что плитой занимаюсь я. Мой дед предпочитает, чтобы кофе готовил я. У меня это получается лучше.

Уполномоченный открыл окно, выглянул, озабоченно покачал головой. Крылов подумал, что с точки зрения уполномоченного надо и окно забить наглухо, чтобы случайно не выпасть с десятого этажа прямо на головы несчастных прохожих.

– Окна тоже придется забить наглухо, – подтвердил уполномоченный.

Он наконец вытащил из портфеля длинный узкий блокнот, из нагрудного кармана выловил нужную ручку. Щелкнул, выдвигая поршень. Крылов с недоумением смотрел, как тот водил ручкой по бумаге, перечисляя и расположение выключателей, розеток, плиту, окна, незастекленный балкон...

– Что вы пишете? – не выдержал он. – Что за бред? Какие еще решетки на балконе? Я не собираюсь выпадать через перила!.. А тот, кто хочет покончить с собой, способ найдет!

Уполномоченный на миг оторвался от блокнота. В глазах росло удивление.

– А вы, простите, тут при чем?

Крылов оцепенел. Вздрогнул, сгоняя наваждение, проснуться бы, мелькнула мысль. Спросил уже с неловкостью:

– Я что-то недопонял?

– Да, – ответил уполномоченный. Он долго ничего не говорил, писал и, лишь когда упрятал блокнот в портфель, застегнул все замки и принял вид человека на государственной службе, объяснил снисходительно: – Ваши соседи по лестничной клетке напротив нуждаются в улучшении жилищных условий. Я доступно объясняю?... Но они несколько... замедленны. Так это называется, а во всем остальном они нормальные законопослушные граждане России. Даже более нормальные и законопослушные, чем всякие там студенты, что устраивают митинги и беспорядки. Потому мы должны относиться к ним с предельным вниманием и заботой. Я объясняю доступно?

– Нет, – ответил Крылов. – Наверное, у меня эта замедленность. Это ведь моя квартира? У меня на нее ордер? Или у вас есть полномочия отменить этот ордер?

Уполномоченный даже отшатнулся от такого посягательства на государственные устои.

– Что вы, что вы! Никто не смеет отменить ордер, кроме суда. Но вы-то, вы!.. Вы ведь интеллигентный человек, вон даже очки...

Крылов указал на вешалку:

– Вон там даже шляпа висела. Сейчас ее нет, но висела. У меня есть свидетели.

– Верю, – ответил уполномоченный с сомнением в голосе, – потому и говорю: разве вы *добровольно* не уступите свою жилплощадь своим соседям? А вам выделим квартиру в новом районе!

Крылов спросил, медленно накаляясь:

– В новостройках, где грязи по колено? Где в размокшей глине увязают самосвалы? Где ни телефона, ни Интернета, ни метро?..

Уполномоченный укоризненно покачал головой:

– Вы же интеллигентный человек, как вы можете?.. Торгуется, это же стыдно!.. Наша интеллигенция, если вам это неизвестно, никакой грязи не боится. А лиц с замедленным развитием мы должны беречь, они в этой жизни совсем беспомощные. Здесь дом университетский, а жильцы в основном преподаватели университета, так что ваших соседей никто не обидит, а вот вы в районе новостроек сможете благотворно влиять на местную... местных. Сейчас как раз сдается в эксплуатацию дом завода ликеро-водочных изделий, есть свободные квартиры...

Ярость ударила Крылову в голову с такой силой, что в глазах потемнело. Кулаки сжались, налились горячей тяжестью. В мозгу замелькали сладостные картинки, как он бьет этого уполномоченного головой о стену до тех пор, пока вместо головы не останется красная теплая лепешка, а потом врывается к дебилам и вышвыривает их всех из окон...

Нет, пробилась трезвая мысль. Ему нельзя. Это им можно, у них и справка есть, что им можно все, а за последствия не отвечают, а вот ему нельзя. Он должен по всем канонам цивилизованного человека отступить, отдать эту квартиру быстро растущей семье дебилов. Здесь поставят электроплиту вместо газовой, заменят всю электрику, забудут наглухо окна и балкон, здесь будет грязь и вонь, испражнения станут выползать под дверь на лестничную площадку. Не выдержав смрада и растущего поголовья дебилов, продаст или поменяет квартиру семья профессора Медникова, что этажом ниже, побегут и остальные, как в Штатах пустеют от белых целые районы, когда туда переселяется семья негров...

Через багровый туман прорвался голос уполномоченного, а затем проявился и он сам, нормальный чиновник, нормальный человек этого мира, этой цивилизации, забредшей в тупик.

– Вы, конечно же, понимаете...

Крылов выдохнул горячий воздух, сглотнул ком, ответил сквозь зубы, но бесстрастно, как машина:

– Нет.

– Но вы же интеллигентный человек! – воскликнул уполномоченный в ужасе. – Как вы можете? Мы должны относиться с предельной бережностью к таким людям! Они обделены природой, и кто, как не мы, интеллигентные люди, можем... и должны!.. возместить им?

– Что?

– Все, – ответил уполномоченный твердо. – Согласно общепринятым и общечеловеческим ценностям, всякая жизнь священна. Все возместить, все отдать! Разве не так? Разве вы не интеллигентный человек?

Посмотрел бы я на того, подумал Крылов зло, кто посмел бы сказать «нет». И кто откажется признавать «общечеловеческие ценности, обязательные для каждого человека». Это уже выглядит хуже, чем плюнуть в суп соседа.

– Нет, – сказал он, заставил себя нагло усмехнуться, добавил с нажимом: – Я скиф!

Уполномоченный выпучил глаза:

– Скиф?.. Это что, религия такая?

Крылов взял его за плечи, грубо развернул и толкнул в спину. Уполномоченный не противился, слишком ошеломленный, чтобы даже пикнуть. Он шел, сверившись со справкой, к доктору наук, явно же интеллигенту, который без спора, даже с предупредительной готовно-

стью освободит квартиру и уберется черт-те куда, только бы помочь обделенным умом, только бы им жилось лучше. Даже оттуда, из медвежьего угла, если выживет, будет переводить им всю зарплату, как уже у него отбирают на этих замедленных половину жалованья, половину услуг и всего-всего...

– Мать-перемать, – сказал Крылов громко. – Скифизацию!.. Поголовную!.. Или хотя бы захватить власть!.. И всех этих гадов... и дебилов, и дебилозаконников...

Он задохнулся, еще не в силах представить, что надо бы сотворить со всеми этими дебилами и интеллигентами, но сердце, душа и даже холодный рациональный мозг, объединившись, требовали крови, огня, хруста костей под гусеницами танков.

– Какая ролевуха, – сказал он вслух. – Все это надо всерьез! Народ соскучился по крови. Да и не развязать все эти узлы... Только рубить, рубить, рубить!

И стало жутко и страшно, когда представил, что это вот – скифы, Великая Скифия, поклонение Черному Мечу, новые ориентиры для человечества – все это может быть реально.

Глава 11

На сайт он вломился злой, словно скиф в атаке на персидскую пехоту. На обоих форумах шло живейшее обсуждение скифскости. Как в Корчме, так и в Золотой Палате, отделении Корчмы, куда вход был только по паролям. Впервые всех удалось занять так надолго. Вообще-то проблема сайтов в том, что даже в самое жаркое и переломное время тем для дискуссий все равно не хватает.

При очных встречах вроде бы их в избытке, но очные далеко не каждый день, даже на кухнях, когда за водочкой и огурчиками соседи собираются поговорить о футболе и политике. А сайт – это место, где дискуссии и споры не прерываются ни на мгновение. Видно, как поднимается волна, как самые выдержанные оппоненты бросаются в спор, забыв о тщательности аргументации, уже переходят на личности, по всей виртуальной Корчме летают такие же виртуальные табуретки, а то и вовсе вроде бы умные и выдержанные люди договариваются о личной встрече, чтобы бить друг другу морды.

В Корчме это случалось часто, табуретки летают над головами посетителей каждый день. Лишь самые упорные сидят себе за отдельным столиком и перемывают кости древним ископаемым или же обмениваются ехидными комментариями по поводу находки загадочной Гипербореи.

Очень часто случались периоды затишья. Корчма, в отличие от любого неvirtуального клуба по интересам, открыта все двадцать четыре часа без выходных и праздников, там постоянно кто-то возится, спрашивает, гогочет, дразнит собаку или жутко ухает под разными личинами. Но сейчас, похоже, удалось бросить великолепную кость изголодавшимся умам. Скифскость обсуждают с таким жаром, с каким не обсуждали ни войну в Чечне, ни скандал с голой первой леди Империи и послом из Нигерии.

Прошла неделя после той встречи в кафе, когда он впервые выдвинул идею скифизации. В Альманахе, есть и такой раздел на сайте, начали появляться стихи, а затем и рассказы на скифскую тему. Простенькие, восторженные, примитивненькие, но пошли неожиданным косяком, а где есть масса, то появляются и орешки, изюминки, жемчужинки.

Еще за пару недель материала набралось на три альманаха. Устроили тайный рейтинг, отобрали лучшее, энтузиасты отнесли в типографию. Пришлось скинуться, но уж обойдемся пару месяцев без пива и сладкого, зато альманах...

Кто на самом деле Яна, мелькало в голове кстати и некстати. Она дважды приходила на встречи, всякий раз с Алексеем, слушала, улыбалась, кивала, снова слушала. Говорят, нет ничего печальнее жизни женщин, которые умели быть только красивыми. А Яна... она только красивая?

Как бы плохо, подумал следом, мужчины ни думали о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже. Что думает о нас Яна, наслушавшись о скифах, трудно и представить...

– Я две недели прожил, – сказал он вслух, – не видя этой... Яны. Разве не доказал этим, что способен вынести все? Доказал. Так чего же я ною?

Страшным усилием воли бросил камень в радужную картинку, та померкла и отступила вовнутрь, как осколок голограммы.

Для большинства корчмовцев, как он видел, это стало самой увлекательнейшей из игр. Вроде бы RPG, но в то же время и real-time strategy. Корчмовцы, из которых половина уже гордо именуется скифами, сообщая создавали мир, забыв о женщинах, о пьянке и картах. Забывали о дискотеках, о травке, а в Интернете сразу же мчались к своему сайту, с разбега врывались в Корчму и, без всякого здарсьте, сразу в драку, в спор, левой пяткой аргумента в челюсть оппонента, одной рукой за пиво, другой за ножку табуретки, а третьей... в виртуальном мире, понятно, у каждого не по две руки, а столько, сколько хошь, – третьей рукой листали

в другом окошке справочники б-ки Мошкова, там справочники самые полные, а нам нужны самые-самые, скифы мы, с жадными и наглыми очами!..

В кафе собирались после того, первого дня раз в неделю, а потом начали встречаться каждый день. Когда на пиво не наскребывалось денег, усаживались в скверике на мраморных ступеньках в тени у «кочерыжки», как этот памятник русско-грузинской дружбы назвала Лилия, а с ее легкой руки это название пошло сперва по молодежи, потом он встретил его даже в газетном заголовке.

С двух сайтов емэйлами предложили поставить у них «зеркала» Корчмы. Еще один поставил баннер Корчмы у себя и на подшефном сервере.

Крылов отдельным разделом в Корчме поставил «Скифскость», куда всобачил программу построения скифского общества, наметки Устава скифа. С первого же дня посыпались предложения, поправки, советы.

Лилия поспешно поставила отдельный счетчик и смотрела круглыми глазами, как цифры сменяются буквально каждую минуту. Вроде бы в Интернете много диковинок, но корчмовцы, похоже, сумели удивить сетенавтов...

Появились предложения разместить на их сайте коммерческую рекламу, которую Лилия с ходу отвергла, о чем рассказала с гордостью. На нее смотрели с непониманием и завистью: это же халявные деньги!

Рабочий день закончился, зимой уже стемнело бы, но в июле солнце висит в зените, прямые лучи почти плавят асфальт. Тор и Раб Божий уже встретились у «кочерыжки», сидели на мраморных ступенях, поджидая остальных.

Крылов подошел, поздоровался. Почти одновременно с другой стороны подошел Черный Принц, все так же в костюме, интеллигентно бледный, галстук на месте, но глаза злые.

Пока обменивались новостями, подошел Откин. Остальных решили не ждать, место знают, медленно побрели в сторону кафе.

По проезжей части проехала поливальная машина. Широкие струи, похожие на плавники гигантской рыбы, с шуршанием проползли по накалившему асфальту.

Народ шарахался с дороги, но одна группка то ли не заметила, то ли нарочито влезла под струи, а за ними под фонтаном нечаянно оказалась и солидная строгая женщина с пухлым кейсом в руке.

Молодежь пробежала со смехом, а она некоторое время стояла в растерянности. Намокшая блузка четко вырисовывала темный бюстгальтер, вода сбегала по строгой юбке на асфальт.

Крылов свистнул, женщина оглянулась, Крылов ободряюще вскинул большой палец. Тор ухмыльнулся и тоже показал этот универсальный жест одобрения. Решившись, она стащила намокшую блузку, сняла бюстгальтер и все это сунула в кейс. Полуобнаженная женщина в современном мире меньше привлекает взоров, чем в намокшей одежде.

Крупная грудь обвисла под своей тяжестью, но Крылов и Тор снова показали оттопыренные пальцы. Женщина, приободрившись, так и пошла по улице: взгляд прямой и строгий перед собой, походка независимая, деловая женщина, работает в достаточно высоких и строгих сферах.

Крылов подумал, что ей втайне давно хотелось пройти вот так по городу, обнаженной хотя бы по пояс, но не было случая, а сейчас вот эта поливалка, всеобщая веселая дикарская неразбериха, комплименты двух незнакомых парней...

Тор проводил взглядом ее прямую спину с широкими валиками жира в области пояса, сказал с сожалением:

– Эх, если бы она заметила, что мы – скифы...

– А что?

– Да так... Другим бы на работе рассказала. Мол, появились некие скифы, вежливые, женские достоинства ценят...

Откин слушал внимательно. Лохматые, как у старика, брови сдвинулись, напряженно раздумывал.

– К следующей встрече кое-что будет, – пообещал он. – Хотя... почему к следующей? Вы отправляйтесь к Валентине, я пока отлучусь.

Он исчез, Тор что-то выкрикнул вслед насчет дезертирства. Откин уже издали выкрикнул:

– Успею! Вы ж все равно до полуночи...

Черный Принц присвистнул, вытянул шею. В сторону Центра двигалась целая толпа. Такие возникают как зародыши больших митингов, но, правда, они сразу собираются на площадях, чтобы не мешать движению.

Впереди по тротуару шел с мегафоном человек, за ним валила толпа подростков, размазанных, ярких, визжащих.

Крылов с изумлением узнал в человеке с мегафоном Алексея. Тот как раз перевел дух, прижал мегафон ко рту. Вдоль улицы пронесся могучий клич:

– Мы требуем!.. Да-да, мы не просим, а требуем полноценного представительства!.. Это неслыханно: в стране, где каждый пятый – гражданин с замедленным развитием, эти люди не имеют полноценного представительства в органах правления, законодательства!.. Их нет даже в районных органах власти!.. Но достаточно ли этим людям жалких подачек в виде квартир, денег на содержание, мелких льгот и прочих мелочей, которыми власть имущие пытаются отмахнуться от проблемы?.. Нет, мы не дадим отмахнуться!.. Это такие же граждане, как и все остальные граждане нашей великой страны!.. Не допускать их в органы правления – все равно что не допускать евреев или женщин. Верно?

В толпе раздался дружный вопль:

– Верно!

– В точку!

– Прямо в дупу!!!

– Бивиса – в президенты!

Алексей, ничуть не смутившись, заорал еще громче, с воодушевлением:

– Вот когда партия женщин подняла крик, что их зажимают, для них специально создали место в правительстве. Теперь там всегда торчит хоть одна дура, хлопает глазами. Но нам не нужно такого липового представительства! Мы требуем законное место министра труда, министра отдыха и министра культуры!..

Вопли в толпе стали громче. Алексей прокричал, лицо побагровело, жилы на висках вздулись, потемнели, как сытые пиявки:

– Нам не надо милостей от правительства!.. Сегодня мы создаем свою партию... или движение, как решим демократическим большинством. Назовем его «За равные возможности!». Под этим лозунгом нас поддержит вся интеллигенция, как творческая, так и... А за кого в этой стране интеллигенция, за того – вся самая разрушительная сила! Мы – победим!!!

Толпа удалялась в сторону Центра, словно намеревалась взять штурмом почту и телеграф. Поливалка проехала в обратную сторону, в мокром асфальте заблестали тысячи крохотных солнц, острыми лучиками стреляли в глаза.

Тор остановился. Лицо его помрачнело.

– Мне завтра вставать рано, – сообщил он. – Пока... Но как ловко этот Алексей начал, а?

– Иди отдыхай, – разрешил Черный Принц. – А мы сейчас спустимся в кафешку насчет пивка и рыбки. Я гонорар получил за одну разработку. Угошаю.

Тор остановился, пятерня взлохматилась затылок. Мучительно думал, колебался, изрек:

– Да что во сне хорошего?.. Пивко – другое дело.

В кафе решили не спускаться, душно, но Валентина тоже приучилась выставлять на улицу столы и стулья, так что разместились на свежем воздухе, все настолько голодные, что даже всегда сдержанный Раб Божий с ходу заказал Валентине сочный бифштекс, блинчики с мясом, а уж потом велел принести пива... Нет, поправился он, кружку пива сразу, чтобы промочить горло, но мясо, мясо, мясо – поскорее! И побольше.

Они опорожнили по второй, вышли из-за столов покурить, чтобы не травмировать некурящего Раба Божьего. От накалившихся за день стен настолько несло горячим сухим воздухом, что Крылов невольно отодвигался, пока не очутился у обочины. Там опасно близко проносились машины, фыркали горячими запахами бензина и перегретых масел.

– Как он начал круто, как начал, – сказал Черный Принц задумчиво. – Вообще-то это благодатная ниша... Согласно статистике, один из четырех человек – дебил.

Тор потыкал пальцем в Крылова, себя не забыл, в Откина, удивился:

– Крылов – нормальный, я вообще орел, Откин тоже в норме... Принц, ты этот, ну... четвертый!

Откин сказал серьезно:

– Нет, Черного Принца в партию Алексея не отдадим! Он единственный из нас нормальный. Даже галстук надевает!

Черный Принц, судя по его виду, обиделся, но сдержался, что для него удивительно, только буркнул:

– С чего ты взял, что я нормальный? Я сам с собой не разговариваю только потому, что не верю себе на слово.

От перекрестка показался подтянутый Klm. С ним молодая девушка, с неплохой фигуркой, обнаженная до пояса, с татуировкой на груди и животе. Klm что-то сказал ей на ходу, она кивнула, заулыбалась корчмовцам еще издали.

– Извините, – сказал Klm интеллигентно, – опоздал, дела... Это моя сотрудница, Наташа.

– Привет, – сказала Наташа.

Она тряхнула короткой прической. Глаза ее были чистые, выразительные, улыбались дружески. Когда протянула Крылову руку чистым дружеским жестом, тот решил, что для рукопожатия, тоже двинул свою навстречу, но девушка легонько взяла его за гениталии, слегка приподняла в ладони, словно взвешивая, улыбнулась, глядя ему в глаза.

Крылов подумал со смешанным чувством, что в этой быстро нарастающей лавине раскрепощения что-то есть, что-то есть... Хотя и гниет этот мир, но хорошо гниет, приятно гниет! Не так уж и хочется выходить из сладко гниющего мирка под холодный ветер нового мира, сурового и бескомпромиссного.

– Привет, – ответил он. Подумал, что не стоит ли ему тоже взять ее за интимное место, но это может что-то значить еще, здесь своя знаковая система складывающихся ритуалов, гораздо разумнее остаться слегка прибалделым. Лучше, когда непонятно, ретроград ли он или же просто еще не врубился в новую ситуацию. – Привет!.. Пива хочешь?

– Спасибо, – ответила она серьезно. – Но мне надо домой. Родители строгие! Я к одиннадцати вечера всегда в постели.

– Так до одиннадцати еще...

– Мне добираться в Чертаново.

Klm распахнул объятия, загоняя всех обратно к столам, где пиво, соленая рыба, креветки. Крылов с сожалением проводил взглядом ее прямую спину с удивительно тонкой талией, где на тугой поясок сверху дразняще нависали тонкие валики молодой плоти.

Еще через час, когда все отяжелели, но не остыли, от ближайшей троллейбусной остановки неожиданно показался Откин. В руке была непомерно огромная сумка. Из-за чересчур длинных ручек она едва не тащилась по земле, а когда он приблизился, расслабил натруженные руки, сумка начала мягко подпрыгивать, словно ее набили футбольными мячами.

Тор замахал могучими дланями:

– Эй, хлопче!.. А мы уже собрались расходиться!

Откин, взмокший, с мелкими капельками пота на лбу и потемневшей рубашкой, бухнул сумку на пол возле стола.

– Как тяжело стало воровать! – пожаловался он. – Такое ощущение, что я эти деньги заработал.

– Деньги – зло, – согласился Тор. – Зайдешь на рынок, и зла не хватает. Ты где пропадал?

– Чукчи, – заявил Откин. – Да вы хоть знаете, что здесь?.. Валюша, мне того же, что у этих лоботрясов, только побольше.

Крылов суетливо распахнул «молнию» на сумке, закопошился во внутренностях. На свет появился ворох легких рубашек с короткими рукавами. Он спросил с недоумением:

– Ну и чо?

Тор взял рубашку, развернул. Черный Принц присвистнул. На груди шла крупная надпись: «Да, скифы – мы!» Буквы четкие, вызывающие, яркие. В свое время Откин первым начал снабжать всех кружками и чашками с рисунками из любимых книг, никто не допытывался, что за технологии, каждый из корчмовцев где-то да работает или служит, неприлично спрашивать, кто какой пост занимает, если человек сам не скажет, многие перебиваются с хлеба на воду, только бы не потерять доступ в Интернет, но кое-кто, чувствуется, от кризисов в экономике не страдает...

Тор брезгливо покопался в ворохе:

– На мой размер не найдется!

– Поищи лучше, – предложил Откин.

Все наблюдали, как Тор растянул одну из рубашек в руках, прикинул размеры на глазок, решительно сбросил свою майку. Обнаженный до пояса, он в самом деле был похож на бога-громовержца, грудь похожа на медные латы центуриона, а густые рыжие волосы похожи на раскаленные докрасна кольца проволоки.

Все еще с недоверием он натянул рубашку. Надпись легла вдоль груди, сделав ее визуально еще шире, а рубашка, даже Тор явно признал, как раз впору, Откин не зря быстро идет в гору как биржевик, умеет просчитать заранее даже такие мелочи.

Черный Принц выдохнул:

– Круто!

– Выбирай по своей мелкой фигуре, – предложил Откин.

– Это у меня мелкая? – обиделся Черный Принц. – Да я... да я когда раздуюсь, то куда там Хануману!

Но сам переодеваться не спешил, доставал рубашки, те пошли по рукам. Минут за пять все уже переоделись, а их рубашки Откин сложил в сумку и объявил, что передаст в их фирменную прачечную.

Глава 12

Черный Принц предостерегающе свистнул. В их сторону шел Алексей. Уже без толпы, без мегафона. Раскрасневшийся, рубашка расстегнута до пояса, круглое, как у кота, лицо лоснится довольством. И хотя Крылов помнил, что у него самого рожа круглая, тоже обычно довольная – такой она смотрится, но в эту минуту возненавидел все круглые рожи на свете.

Алексей издали помахал руками, барьерчик не стал обходить, лихо перемахнул, едва коснувшись ладонью. Снова широко и дружелюбно заулыбался всем, вскинул руки, приветствуя всех разом.

– Я сказал Яне, – сообщил он, – что встречу ее здесь. Она задержится немного на пробах.

Крылов сразу ощутил, что готов простить Алексею половину его круглой рожи.

– Рискуешь, – заметил он как можно спокойнее. – На красный свет!.. А движение здесь сильное.

– Но не в субботу, – ответил Алексей весело. – Все уже на дачах, Москва опустела...

Он обошел столы, каждому крепко и с энтузиазмом жал ладонь и всматривался в лицо, словно Черчилль при обходе советских воинов, и каждому дружелюбно улыбался.

Откин заметил ядовито:

– Вообще-то ему можно.

– Что? – не понял Крылов.

– Это... через дорогу в неположенном месте. Он же теперь глава движения этих... замедленных.

Алексей заулыбался, плюхнулся за стол, на Откина посмотрел уважительно:

– Уже знаете? Эта служба у вас поставлена хорошо... Я вырвал учредительные буквально пару часов назад. Потому и опоздал, хотел похвастать чем-то весомым. Так что у меня партия теперь официальная!

Крылова это почему-то задело, сказал, не задумываясь:

– Извини, но этих партий и движений каждый день регистрируются сотни. Каждая сотая дотягивает до конца недели... Понадобится, и мы скифов зарегистрируем. Тебе какое пиво?

– Светлое, – ответил Алексей, не задумываясь. Хвастливо хлопнул себя по карману. – Уже могу себе позволить.

– А темное?

– Со временем, – пообещал Алексей, – смогу платить и за темное.

От соседней скамейки слышались сдержанные вздохи, стоны. Спрятавшись в густую тень раскидистого клена, там совокуплялась парочка. Делали это почти украдкой, девушка сидела на парне к нему лицом, прижимала его голову к своей груди, почти не стонала и не вскрикивала, стараясь не привлекать внимание. Похоже, просто не дотерпели до более укромного места.

Крылов вообще-то не любил показушников, что для половых актов выбирают самые людные места. Временами ему казалось, что появился новый вид перверсии, когда в обычных условиях тишины и интиме у таких не получается, им необходимо присутствие посторонних людей, толкотня в переполненном автобусе или многолюдье подземки.

Алексей толкнул его локтем:

– Видишь? Это тоже мои.

Крылов покосился на парочку. Парень и девушка выглядели вполне пристойно. Когда девушка на миг повернула в их сторону лицо, он отметил чистые, почти аристократичные черты, характерную для много думающих людей посадку глаз, сдвинутые брови и складку над переносицей.

– Почему?... Дебилы?

Алексей поморщился:

– Ну у тебя и термины... Нет, эти явно не замедленные. Хотя ритм у них и... гм... замедленный, но это говорит как раз об их... незаторможенности. Мои избиратели как раз все это совершают в быстром темпе. Спешат к финалу! Нет, эти ребята мои по другой причине... Понимаешь, я подумал: а ведь кредо, что все, что естественно, – не позорно, вполне подходит для девиза моего движения! Люди стараются освободиться от остатков старой, сковывающей их морали. Ведут себя все свободнее, все естественнее, все ближе к натуре, природе. Все ближе к тому, что мы есть на самом деле. А это и есть мы, наша партия. Мы и есть натура, мы то, что человек есть. Все остальное – наслоение. Я уже вижу по твоему лицу, как ты готов все это истолковать... не трудись, я сам все понимаю! Но я политик, и ты политик. Мы политики. Я просто обязан как политик воспользоваться подвернувшейся ситуацией, чтобы увеличить количество своих избирателей. А ты назови хоть одну парламентскую партию, что не воспользовалась бы удобным моментом, чтобы не повысить свой рейтинг, престиж, расширить влияние на регионы?

Крылов смолчал. Даже самая рафинированная из партий в Думе, грушечники, что до свинячьего писка страшатся любой работы, только все критикуют и ни в чем не участвуют, даже та использует любой промах конкурента, чтобы захватить освободившийся пятачок.

Алексей тем временем указал взглядом в другую сторону, там милиционер подошел к группе подростков, что мочились прямо на тротуаре.

– Ага, – сказал он довольно, – вот и он работает на меня!

– Мент?

– Да.

– Каким образом?

– Запретами, – пояснил Алексей довольно. – То нельзя, это нельзя... Почему, скажи на милость, нельзя помочиться прямо вот так? Если никого не задеваешь струей?.. Если никому не намочил одежду?.. Это все нелепые запреты, пришедшие из прошлых веков!.. Суть их утеряна, но форма остается. Сегодня же я напишу памфлет на эти предрассудки!.. Ты знаешь, мне удалось по сходной цене купить одну типографию. Старенькая, но все же теперь своя... Ну, формально – моего движения, но ты же сам все понимаешь, верно? Институтишко один разорился, кому нужна астрофизика дальних галактик, вот я и подсуетился насчет типографии. Остальное растащили коммерческие фирмы. Воронье чертово... Даже сотрудников разобрали. Которые помоложе, естественно...

Крылов изумился:

– Как тебе удалось... типографию? Это же бешеные деньги!

Алексей отмахнулся:

– Да не за свои! Просто я вовремя втиснулся со своим движением в их конфликт... а без конфликта какая приватизация?.. А когда все это кончилось, я был во главе одной группировки. Той, которая и оттяпала типографию. И ребята все как на подбор: молодые, интеллигентные, верны общечеловеческим ценностям... Тоже мои... в принципе.

Крылов сказал язвительно:

– А что со старшим поколением? Их тоже возьми в свое движение. Они ж явно обиженные!

– Не удастся, – ответил Алексей с явным сожалением. – Старшее поколение – люди с принципами.

В самом деле, подумал Крылов, мы оба делаем ставку на молодежь. Старшее поколение остается вне сферы внимания. Потому ли, что все революции делает молодежь? Особенно голодная молодежь?.. Нет, революции делает сытая, которую дня три не покормили... Странно, если подумать, мы оба поставили на сытых. Только Алексей исходит из того, что аппетит приходит во время еды, надо двигаться и дальше до полнейшего раскрепощения человека... а

пределов этого раскрепощения он и сам не знает и вряд ли заглядывает в сгущающуюся тьму далеко, ибо там смутно маячат руины цивилизации, а среди развалин городов бродят одичавшие волосатые питекантропы с дубинками в руках, от которых тоже надо освободиться, как от несвойственных природе...

А я, мелькнула мысль, делаю ставку на то, что сыты уже по горло. Обожрались. Надо либо проблеваться, либо пропоститься.

Алексей привстал, замахал рукой. Дыхание в груди Крылова остановилось. Далеко по улице, выделяясь из толпы, как выделялась бы Царевна Лебедь из стаи серых гусей, двигалась Яна.

Она скользила как солнечный луч, как живое серебро, рядом с нею меркли и теряли краски все женщины, а мужчины сливались с серой стеной здания.

Грохоча стульями, все вскакивали, бестолково тащили стулья от соседних столов, даже раздвинули барьерчики. Яна прошла, одаря всех улыбкой принцессы, грациозно опустилась на стул рядом с Алексеем.

– Мороженое? – спросил Крылов. – Какое?

– Пиво, – ответила Яна невинно. – Начнем со светлого.

Черный Принц сорвался с места, как стингер. Видно было его смазанный силуэт возле стойки, через мгновение он уже возник возле Яны с подносом. Две кружки светлого пива, широкая тарелка с раками... Черт, где добыл, остальные копаются в крохотных худущих креветках.

– Ты заделался официантом? – спросил Кlm ревниво.

– Рядом с красивыми женщинами, – ответил Черный Принц, – мы все становимся... Эх, кем мы только не становимся!

Яна сдержанно улыбнулась. Взгляд ее чистых глаз одобрительно скользнул по собранной фигуре в костюме и при галстукке.

Крылов ощутил ревнивый укол, постучал ложечкой по краю пивного бокала, сказал громко:

– Итак, продолжаем! Строя великую Скифию, мы помимо самой Скифии будем иногда оглядываться и на другие более или менее великие державы, что возникали потом на ее территории... Я имею в виду Российскую империю и СССР. О нынешней России говорить не приходится, это жалкое образование иначе как географическим понятием не назовешь.

Подожли Гаврилов, Денис-из-Леса, Lordwolf. Не прерывая Крылова, покивали издали, исполнили на той стороне ритуальные танцы приветствия, официантка выслушала заказ, принесла огромный поднос с дымящимися тарелками супа.

Денис-из-Леса по ту сторону стола от Крылова жадно хлебал суп, а потом, отодвинув тарелку, торопливо принялся за огромный бифштекс. Он приехал прямо с неурочной работы, проголодавшись как волк весной, Гаврилов и Лорд–вольф тоже ели быстро и смачно, хотя не так шумно. Судя по голодным глазам, оба не успели подкрепиться в обеденный перерыв, с утра во рту ни маковой росинки.

Денис-из-Леса сразу залпом выпил две кружки темного крепкого пива, захмелел, теперь тыкал в бифштекс вилок, промахивался, бурчал. Яна, закончив бокал пива, заказала котлету по-киевски, неспешно откусывала, подхватывала розовым языком растопленное внутри масло, Крылов едва удерживал себя на логической мысли, не позволял волне крови из гениталий ворваться в мозг и навязать свою волю.

– Пример СССР, – продолжил он сдавленным голосом, – еще свеж в памяти. Много говорят о его поражении. Но на самом деле поражение СССР случилось еще при Хрущеве... или при раннем Брежневе, не помню. В то далекое время, когда в наше воздушное пространство нечаянно или нарочито залетел южнокорейский лайнер. Наши ПВО тогда сбили его... и до сих пор Россия оправдывается! Правители начали оправдываться сразу, не перестают и донныне.

То и дело в какой-нибудь газетке «пятой колонны» мелькнет статейка типа «Тайна южнокорейского лайнера» или «Почему сбили лайнер?»...

Klm оживился:

– Точно! Сам недавно видел. Сами в себе чувство вины растравливаем.

Крылов отвел глаза от розового рта Яны, сказал жестко:

– Сбили и сбили. Правильно сделали. Он нарушил наше пространство. Было предупреждение, что все, что пересечет границу без разрешения, будет уничтожаться? На суше, воде или в воздухе. Было!.. Так и сделали. Нужно было с сознанием абсолютной правоты, подчеркиваю, *абсолютной* правоты заниматься своим делом, не обращать внимания на визг. Хотя и ненавидели бы, но уважали бы, кланялись, лстили, уступали дорогу, приглашали бы на все мировые совещания. Не решались бы решить ни один глобальный вопрос, если мы не поставим под решением свою подпись. Кто оправдывается, тот перестает наступать. Хуже того, он отступает!

Алексей неспешно тянул пиво, глаза хитро блестели. Яна весело щебетала, Крылова всякий раз окатывала горячая волна, когда взгляд ее глаз хоть случайно падал в его сторону.

Раб Божий беспокойно задвигался, словно зацепил за шляпку анусом гвоздь в стуле и теперь изо всех сил тащит.

– Да это вроде бы понятно... – протянул он печально, – но это наше грубое чувство в нас говорит! Да и вообще, идти супротив общепринятого человеческого мнения...

– Общепринятое, – отрезал Крылов, – значит, неверное! Общепринято, что солнце встает на востоке, а заходит на западе. Но только немногие помнят, что это наша планета вертится вокруг Солнца!.. Но ты прав, надо нечто особое, злое, сильное. Но что? Что нужно придумывать... создать... именно нам и именно теперь, чтобы образ скифа... был! Чтобы он создан, выкристаллизовался в людском сознании. Это должно быть нечто необычное, резко отличающееся от всех остальных людей, чтобы ставший скифом сразу ощутил свое отличие... и превосходство! И в то же время это должно быть достаточно легкое для большинства людей, доступное и... понятное.

Долго думали, сменили тарелки, пива выпили столько, что то и дело ныряли в дверь подвальчика, там просторный туалет. Только Тор в присутствии Яны решался отойти на пять шагов к ближайшему дереву, где добавлял желтой лужи, и без того широкой, пахучей. Столетний дуб, заставший еще не то Достоевского, не то Толстого, теперь приобрел цвет старого пива, даже листья пахли пивом.

Измучившись в поисках истинной скифскости, именно Тор выпалил:

– Да взять уже готовое! К примеру, не есть свинину. Что, разве трудно? Сейчас основная беда цивилизованного мира – ожирение. Тем более что не едят свинину иудеи и мусульмане, наиболее могущественные сейчас... пока что, конфессии. Можно еще дополнить одним-двумя запретами. Не слишком крутыми, но все же понятными... к примеру, скиф не должен курить.

Klm сказал предостерегающе:

– Но-но, полегче! Нельзя так круто.

Откин поинтересовался ехидно:

– А пить?

– Если только это не ведет к аддикции!

– Слаба богу, – сказал Раб Божий благочестиво. – Я имею в виду, слава Табити. Но вообще-то лучше свинину заменить на просто жирное. Мясо молодого поросенка – прелесть! А вот сало... гм... Давайте запретим скифам есть сало и любой жир, на каком бы мясе он ни оказался.

Черный Принц сказал разочарованно:

– Ну, от жира и так все отказываются...

– А так это можно объяснять религиозными соображениями, – отпарировал Крылов. – А что, тебе легко отказываться в магазине, когда продавщица тебе упорно заворачивает жирное мясо?

– Не, – вдруг сказал Откин решительно, – не пойдет.

– Почему?

– А как ты сам будешь выколупывать жирное из ломтика ветчины? Там тонкая полоска жира идет внутри!

– Ну, – сказал Тор нерешительно, но было видно, что он потерпел поражение, – можно установить предельную толщину...

Откин отмахнулся, отвернулись и другие. Запрет тогда выполним, если предмет запрета обозначен четко. А если надо с линейкой вымерять слой сала...

Тор сказал задумчиво:

– Нужны еще какие-то приметы... К примеру, на груди на цепочке можно носить меч. Обязательно – черный! Эмблема Черного Меча.

Глава 13

Глазные яблоки во впадинах черепа Крылова сами повернулись в сторону Яны. Он мысленно примерил ей на шею на золотой цепочке крохотный Меч, пальцы при этом будут касаться ее груди... как будто он уже не пересчитал их сотни: огромных, крохотных, упругих, вялых, как уши спаниеля! – но сейчас от одной только мысли в развилке стало горячо, словно туда налили расплавленного свинца, он едва удержал сдавленный стон.

Черный Принц, похоже, от пива одурел, заказал газированную воду. Промочили глотки, Кім сбегал за бутербродами.

Мозговой штурм длился во всей красе и мощи: еще за полчаса продвинулись с будущими праздниками скифов. Крылов предложил пока два: ежегодная годовщина победы над армией великой Македонии, а второй – память по разгромленному флоту Великой Скифии. Вернее, второй вовсе не праздник, но это очень важно – отмечать не только праздники, но и дни скорби! Этим как бы косвенно сообщаем, что таких дней у скифов совсем мало. А память в том, что в день гибели огромного скифского флота все скифы должны ставить на стол кораблик черного цвета... пусть даже бумажный, из клочка газеты, перед этим корабликом класть какие-нибудь сладости. Как запоздалый дар далеких потомков великим предкам, что сражались доблестно и погибли доблестно в жестокой и неравной битве при...

– Черт, – сказал он с досадой, – не помню. Да и неважно, историки отыщут место.

– Удобное, чтобы спускать на воду траурные венки, – уточнил Откин.

– Да-да, – поддержал Тор, – где-нибудь у красивых скалистых берегов.

Раб Божий обалдело смотрел то на одного, то на другого. Возопил горестно:

– А истинное место вас не интересует?

Взгляды обратились на Крылова. Тот отмахнулся широким жестом:

– А кому это важно? Затонувшим скифам? Их родне?.. Памятники нужны живущим. Потому будем ставить там, где нам удобнее. Где от них больше пользы...

Алексей допил, со стуком поставил пустую кружку на середину стола. Лицо его покраснелось.

– Ого, слышу политика! – сказал он победно. – А я уж думал, что мне противостоят идеалисты. Ты прав, надо воровать все, что может пригодиться. А объяснения для экспроприации всегда отыщутся.

Крылов холодно промолчал, а Раб Божий, странно подбодренный такой сомнительной похвалой, сказал:

– Может быть, позаимствовать для веры что-нибудь из восточного?.. Воспользоваться человеческой ленью. Ну, из-за чего расцветают пышным цветом все эти учения, которые обещают без труда наловить любой рыбы... Когда не надо ни десять лет в школе, ни пять в институте, ни корпеть в лабораториях, а просто расслабиться, поиздавать какой-нибудь королевский звук, и вот приходит Великое Знание через незнание, Великое Умение, Просветление! Ты уже читаешь мысли других людей, шаршишь у них в кошельках, рассматриваешь, роняя слюни, их грязное белье...

Крылов покачал головой:

– Соблазнительно, но... это все только для легкого заработка всякого жулья. На самом деле все эти учения привели к тупику. Взгляни на страны, где эти учения были распространены. Нет, нам нужна религия злая, энергичная, распахивающая других.

– Что-то вроде ислама? – спросил Раб Божий с испугом.

– Или иудаизма, – поправил Крылов.

Раб Божий отшатнулся, иконописные глаза стали еще шире.

– Что? Разве религия древних патриархов злая?

– А ты думал? Их бог кровожаднее всех богов на свете! И ревнивее. Зато «своих» назвал самым лучшим народом в мире, который призван руководить остальными, как скотом. Понимаешь? Скифы должны ощутить себя с самого начала не милыми чудаками, вроде гринписовцев, а людьми высшего сорта. Или расы. Как иудеи. Но эта ниша уже занята иудеями, нам теперь бы добавить звероватую энергичность и непримиримость ислама!

– И придумать что-то еще, – добавил Тор практично.

Яна после котлеты заказала мороженое. Крылов впервые за последний десяток лет жизни ощутил, что эта вот ерунда, мороженое, может в каких-то случаях даже быть лучше пива. Яна подкапывает оранжевые шарики с двух сторон, те садятся в намечающуюся лужицу, но ложечка подхватывает, полные сочные губы призывно раскрываются навстречу...

Он поперхнулся пивом, вспыхнувшая в мозгу картинка была не то что скабрезная, но чересчур мощная, он на миг перестал видеть остальной мир, даже в страхе подумал, что впервые поллюция с ним может случиться не во сне, а вот так, за столом, всего лишь рассматривая ее губы, ее вызывающую грудь, ее...

– Современная система юриспруденции, – заговорил он хриплым, не своим голосом, – привела в тупик. Ведь если один человек отнял жизнь у другого, то он должен отдать свою! И хотя жизнь преступника не идет ни в какое сравнение с жизнью хорошего человека, все же мы на первых порах готовы удовольствоваться этой малостью... хотя я понимаю, почему раньше не просто предавали смерти, а смерти мучительной: на колу, в костре, четвертовали, сжигали на медленном огне...

– А что, если и в самом деле... – начал Гаврилов мечтательно.

Крылов отмахнулся:

– Вряд ли стоит. У подростков может возникнуть нездоровый интерес... А сейчас что: убьет кто-то явно нарочито и явно жестоко, а ему дают пять-семь лет, из них отбудет три, и вновь на свободе!.. Даже такой вроде бы пустяк, как воровство, и то нельзя оставлять в прежних статьях. Жизнь на свободе нелегкая, ненамного лучше, чем в зоне. У человека может появиться мысль: дай-ка украду миллион! Не попадусь – счастье, а попадусь, что ж, отсижу пару лет, выкопаю свой миллион и заживу как король!.. Так вот надо, чтобы такой человек уже не выходил на свободу. А если и выходил, то дряхлым старцем, когда эти деньги пойдут на клизмы. И за родней установим надзор, чтобы из пределов зарплаты ни на шаг...

Тор любовно погладил огромный кулак, дунул на него, потер. Костяшки заблестели, как отполированные сотнями рук подлокотники старого дивана.

– Какие будем вводить обычаи?

Крылов покосился на другой конец стола, там Алексей наклонился к Яне, даже слегка обнял ее за голые плечи, что-то шепчет в ухо. Роба преподлая, выражение преподлейшее, гнусное, глаза похотливые, скот одиозный.

– Черт, – вырвалось у него, – надо подумать. Проще сказать, какие не будем.

– А какие не будем? – так же деловито спросил Тор.

– Надо подумать тоже. Соблазнительно запретить пьянство, курение, но тогда растеряем больше половины сторонников. Но как-то в исламских странах не пьют? И преступности там практически нет... Возможно, введем систему паралатов и просто скифов. Паралаты – их еще называли царскими скифами, это нечто вроде эдакого дворянства. А раз им больше дано, то больше и должно спрашиваться. Словом, мы разрешим употребление всей этой дряни, но только для простых скифов. А паралатам уже зашь!.. Зато к высшим должностям будут допускаться только паралаты... Нет-нет, это не будет наследственным. В паралаты будем принимать, как недавно принимали, скажем, в комсомол или партию.

Тор задумался, прорычал:

– Паралаты... Гм, звучит хорошо. Круто. А... столицу где будем ставить?

Крылов усмехнулся:

– Ну... с далеким прицелом – это Москва. Все-таки само слово «Москва» – скифского происхождения.

Тор разинул рот:

– В самом деле?

– А опровергни, – ответил Крылов хладнокровно. – Что не русское или славянское – в этом сходятся все яйцеголовые. Значит, скифское. Что оно означает на скифском... ну, над выяснением поработают наши филологи. Именно наши, понял?

Тор еще не понял, но на той стороне просиял Откин, толкнул в бок филолога Гаврилова, знатока древних языков Черного Принца, сказал с великим почтением:

– Это будет здорово... Мы придумаем объяснение! Такое придумаем!

Крылов поморщился:

– Только не переборщите. Чересчур красиво или пышно – над вами воробьи смеяться будут.

Сухой воздух иссушал кожу. Она, как и кора дерева, требовала постоянной подпитки холодными соками из глубин земли. Со стола исчезали пустые кружки, взамен появлялись полные. Содержимое ненадолго переливалось в тела, откуда вскоре сбрасывалось с поверхности кожи, как дерево сбрасывает влагу с листьев, спасаясь от перегрева.

Тор поглощал содержимое пивных бокалов с такой скоростью, словно перед ним ставили наперстки.

– Кого будем брать в скифы? – поинтересовался он. – Кроме нас, орлов, конечно! Мы – паралаты, ессно.

Крылов ответил, не раздумывая:

– Да всех желающих.

Тор отшатнулся:

– А как обоснуешь?

– Очень просто. Великая Скифия занимала, как помним из учебника истории, земли от моря и до моря, как говорится. Египетский фараон дань платил, вся Палестина и вся Малая Азия были оккупированы скифами, по всей Украине и Европе до сих пор раскапывают скифские курганы... Их сейчас раскапывают даже под Тель-Авивом.

Тор ужаснулся:

– Это что же, и пархатые тоже могут называться скифами?

Крылов посмотрел в сторону Черного Принца, тот с готовностью объяснил:

– Когда скифы захватили, покорили и оккупировали всю Палестину, они стояли там войском двадцать девять лет. За это время, сам понимаешь, переимели всех женщин, их коров и овец. Да и потом, когда оккупация кончилась и скифы ушли, часть все же осталась доживать свою старость. Часть вовсе обзавелась на оккупированных землях новыми семьями! Правда, за две-три сотни лет все ожидачились, язык скифский забыли... но мы ж берем по крови?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.